

В. А. СОЛОУХИН

При свете дня

<...>

В начале 60-х годов прошлого века, в первые послереформенные годы, мы застаем Илью Николаевича Ульянова¹ молодым преподавателем физики в Пензенском Дворянском институте. И был там недавно приехавший из Самары инспектор Иван Дмитриевич Веретенников. А у Веретенникова была жена Анна Александровна, урожденная Бланк. А у Анны Александровны была младшая сестра Мария Александровна Бланк. Анна познакомила младшую сестру с молодым преподавателем физики Ильей Николаевичем Ульяновым...

Дальнейшее если не в психологических подробностях, то в общих чертах известно теперь всему миру. Мне же хотелось бы вернуться к замечательной публикации Михаила Штейна в журнале «Слово», в которой автор расставил все точки над «i» касательно генеалогии Владимира Ильича. И вот, доказав, что мать Владимира Ильича была еврейкой, а отец грассирующим калмыком, М. Штейн вдруг заключает:

«...Главная же цель данной статьи — дать ответ на вопрос: кто же по национальности Владимир Ильич Ульянов (Ленин)? И я уверенно отвечаю: “Русский”. Русский по культуре, русский по языку, русский по воспитанию, потомственный русский дворянин по происхождению (Илья Николаевич Ульянов, будучи действительным статским советником, имел на получение потомственного дворянства все права)».

Из последней части фразы, заключенной в скобки, не каждый читатель поймет: Илья Николаевич Ульянов, будучи действительным статским советником (и заслужив это звание усердной

службой на ниве просвещения), имел все права на получение потомственного дворянства или уже и получил его? Но Бог с ним. Допустим, что он успел получить дворянство (Илья Николаевич скончался внезапно, неожиданно, «в одночасье») и Владимир Ильич — законный русский потомственный дворянин. Насчет языка, воспитания и культуры говорить не приходится.

И все же в перечислении М. Штейном признаков «русскости» (по культуре, по языку, по воспитанию) не хватает маленького словечка — «по духу». Домашнее ли воспитание, гены ли виноваты тут, но словечка этого явно не хватает.

Конечно, Лермонтов по происхождению был потомком шотландского чернокнижника Лермонта. Но ведь написал же он «Бородино», «Казачью колыбельную...» («Дам тебе я на дорогу образок святой: Ты его, моляся Богу, ставь перед собой...»), написал же он стихотворение «Родина» с признанием в любви к отчизне, написал же он «Песню о купце Калашникове», воскликнул же он: «Москва, Москва!.. люблю тебя как сын. Как русский, — сильно, пламенно и нежно!»

Конечно, предком Пушкина был «арап» абиссинец, но ведь написал же Пушкин «Клеветникам России», «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Стансы», обратился же он с любовью и нежностью к своей няне Арине Родионовне: «Наша ветхая лачужка и печальна, и темна. Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?.. Выпьем, добрая подружка бедной юности моей...» Написал же он объективную «Историю Пугачевского бунта», «Путешествие в Арзрум», воскликнул же он: «Москва! ...Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!». Или: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо как Россия!»

В Достоевском тоже есть польская кровь, но разве не только по языку или воспитанию, разве по духу мы не видим в каждой строке, что это именно русский писатель, и нет нужды ссылаться на воспитание, на культуру. Русский — и все. И ничего не надо доказывать.

Вон Некрасов — демократ, почти нигилист, а между тем любовь к России, к малой родине Волге («О, Волга, колыбель моя, любил ли кто тебя, как я?»), к крестьянским детям, к Дарье из «Мороза, Красного носа», вообще к крестьянам разве не сквозит в каждой его строке? Образ русской крестьянки:

В ней ясно и крепко сознание,
Что все их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде.
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

Любящим. А теперь спросим сами себя, но только подумав и все взвесив: была бы эта картина по сердцу Владимиру Ильичу? Не сказал ли бы он, что это обывательское сюсюканье, лицемерие и ложь! Воспевать быт и благосостояние крепостных крестьян вместо того, чтобы призывать их поджигать и громить помещичьи усадьбы, говорить о благополучии крестьянской семьи, хотя бы и добытом честным трудом... Ну — нет.

Наш Ильич не мог бы этого одобрить. Ведь с точки зрения его идеологии, антироссийской, экстремистской и террористической, было «чем хуже, тем лучше». И наоборот. А Леонид Радзиховский в статье «Тело и дело» в газете «Куранты» 21 января 1992 года прямо сказал: «Ленин не знал, не любил, не верил в Россию». Конечно, я и сам мог бы произнести (написать) эти слова, но когда читаешь подтверждение своим мыслям у другого человека, это многого стоит.

На самом деле, взглянем на это попристальнее. Ленин не любил русского царя (и вообще всех русских царей на протяжении всей нашей истории), особенно он не любил романовскую династию, особенно последнего царя и его семью. Не любил — это мягко сказано, он их всех ненавидел и в конце концов, едва дорвавшись до власти, всех их зверски убил с последующим расчленением трупов, с сожжением их на кострах, с бросанием в алапаевские шахты. Женщин, юных царевен, мальчика (наследника), Елизавету

Федоровну — праведницу — всех. Первое, что он сделал, — снес памятники Александру Третьему возле Храма Христа Спасителя и Александру Второму в Московском Кремле.

Долгое время пропаганда внушала всем, что Ленин лично к зверскому уничтожению царской семьи непричастен, но теперь, с выходом книги «Лев Троцкий. Дневники и письма», туман рассеялся.

Троцкий вернулся из какой-то поездки (конечно, по уничтожению россиян) и, разговаривая со Свердловым, спрашивает у него:

— Да, а царь где?

— Конечно, расстрелян.

— А семья где?

— И семья с ним.

— Все?

— Все. А что?

— А кто решал?

— Мы здесь решили. Ильич считал, что нельзя оставлять им живого знамени...

Да и смешно было бы думать, что при режиме, когда каждая мелочь (даже выезд Блока за границу, как увидим ниже) не решалась без Политбюро, такая акция, как уничтожение царской семьи, могла бы решиться без Ленина.

Итак, ненависть В. И. к русским царям и к семье последнего царя не вызывает сомнений. Кроме бранных слов вроде «палачи» да «висельники», он для них других слов не находит, а история любого капиталистического государства (и России в том числе) есть — по Ленину — история насилия, грабежа, крови и грязи.

Думал и гадал ли В. И. (или, может быть, заранее знал?), что история его собственного властвования будет обозначена теми же самыми словами (то есть насилием, грабежом, кровью и грязью), но только возведенными в степень со многими нулями.

К царской семье и вообще к русским царям Ильич пылал ненавистью. Многие считают, что тут примешалось чувство мести за смерть брата Александра. Он был одним из руководителей и организаторов террористической организации «Народная воля», участвовал в подготовке покушения на Александра III первого марта 1887 года и был казнен. Ну а что же, за покушение на главу государства по головке надо было гладить молодого Ульянова? Когда в Петрограде убили не главу государства, просто Урицкого,

Ленин и его карательные органы в ближайшие три дня без суда и следствия расстреляли около десяти тысяч человек, причем заведомо невиновных в убийстве большевика. Его застрелил террорист-одиночка, возможно, подосланный ЧК, дабы иметь повод затопить Петроград новой волной террора, новой волной русской крови.

Да и потом — был суд. Александру Ульянову дали высказаться.

Да потом, случайно или нет, что в семье растут два брата и оба — убийцы, оба — преступники. Воспитывала их мать с дипломом домашней учительницы. Что же это за мать, которая из двух своих сыновей вырастила и воспитала двух убийц? Да и дочери ее подвергались арестам за революционную деятельность. А ведь это про нее написано даже в энциклопедическом словаре: «обладая исключительными педагогическими способностями, оказала огромное влияние на детей». Очевидно и бесспорно, что она «натаскивала» своих детей на революционную деятельность, на ненависть к Российской империи и — в дальнейшем — на уничтожение ее.

Не любил Ленин не только царскую семью, но и все российское дворянство, как часть общества, часть государственного устройства, или, выражаясь терминологией самого Ленина, — как класс. Впрочем, оговоримся. Любая часть общества, в том числе и дворянство, — это не смородиновое варенье и не блины, чтобы любить или не любить. Будем пользоваться словом противоположным по значению любви, это будет ближе к истине. Ленин ненавидел дворянство как часть нации, и не случайно потом, во времена властвования Ленина в России, эта часть нации была практически вся уничтожена.

В следующем абзаце мне хотелось показать отношение Ленина к российской интеллигенции, но я подумал, что эти две составные российского общества (а в конечном счете народа) — дворянство и интеллигенция — во многом смыкались и совпадали. Так что ненависть Ленина к дворянству полностью распространялась на русскую интеллигенцию, а ненависть к интеллигенции питала ненависть к дворянству. Когда Горький пытался внушить Ленину, что интеллигенция — это мозг нации, а Ленин ответил, что это не мозг, а говно, и тот и другой подразумевали интеллигенцию как часть дворянства и дворянство как часть общества, порождающего интеллигенцию.

Нельзя было бы, любя интеллигенцию или хотя бы не ненавидя ее, убить Гумилева², выплеснуть за пределы страны десятки и сотни тысяч образованных, культурных людей, цвет нации, общества: писателей, художников, артистов, философов, ученых, балерин, шахматистов... А офицеры? Ведь их в Петрограде, Москве, в Архангельске, Киеве, Ярославле, в Крыму, во всех городах России расстреливали десятками тысяч, а ведь офицер — это тоже интеллигент, если он и не совмещает в себе, подобно Гумилеву, офицерского звания и поэтического дарования.

Большинство замечательных русских романсов (как слова, так и музыка) написаны не поэтами и композиторами-профессионалами, но дилетантами, то есть просто культурными, образованными людьми.

Интеллигенция уничтожалась с «заделом» вперед на многие годы. В некоторых городах (мне известно, например, про Ярославль) отстреливали гимназистов! Их легко было определить по форменным фуражкам — как фуражка, так и пуля в затылок. Чтобы не выросло нового русского интеллигента. Мальчики стали ходить по улицам без фуражек. Тогда чекисты, поймав мальчика, искали у него на голове, на волосах рубчик, который остается от фуражки. Найдя такой рубчик, стреляли на месте.

Уничтожая гимназисток, смотрели также на красоту. Красивых уничтожали в первую очередь. Чтобы не нарожали потом красивых русских детей. А дети вырастут и тоже станут интеллигентами.

Яркий эпизод из повести Валентина Катаева³ «Уже написан Вертер». Юноша, от лица которого ведется повествование, схвачен одесской ЧК. Его ведут на допрос. «Послышались шаги. На площадку шестого этажа вышла девушка в гимназическом платье, но без передника.

Красавица... Породистый подбородок дерзко вздернут и побелел от молчаливого презрения, шея оголена. Обычный кружевной воротничок и кружевные оборочки на рукавах отсутствуют. Сзади комиссар с наганом, копия его комиссара. В обоих нечто троцкое, чернокожаное. Один вел своего с допроса вниз, другой своего на допрос вверх... Ее щеки горели.

Точеный носик побелел, как слоновая кость. Знаменитая Венгржановская.

Самая красивая гимназистка в городе... Теперь их всех, конечно, уничтожат. Может быть, даже сегодня ночью... Наберется человек двадцать, и хватит для одного списка... Работы на час.

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага... Неужели Венгржановская тоже разденется на глазах у всех?..» В воспоминаниях Н. Я. Мандельштам⁴ читаем: «Смешно подходить к нашей эпохе с точки зрения римского права, наполеоновского кодекса и тому подобных установлений правовой мысли... Людей снимали пластами, по категориям (возраст тоже принимался во внимание): церковники, мистики, ученые идеалисты... мыслители... люди, обладавшие правовыми, государственными или экономическими идеями...» То есть интеллигенция. Так что говорить о любви В. И. к российской интеллигенции не приходится.

У человека более или менее несведущего может возникнуть вопрос: но ведь не сам же Ленин расстреливал? Не лично он расстрелял царскую семью в Екатеринбурге, не он лично расстреливал офицеров, гимназистов, поэтов, преподавателей гимназий?.. У нас почему-то, когда творятся в стране мерзости, убийства, всяческие преступления, принято думать, что власть об этом не знает.

Насильственная коллективизация с уничтожением миллионов крестьян? Но Сталин об этом не знал. А когда узнал, написал статью «Головокружение от успехов». Массовые расстрелы, лагеря? Но ему неправильно докладывали. Храм Христа Спасителя? Но это же не Сталин, а Каганович...

Какое глубокое заблуждение! Диктатор в нашей стране, будь то Ленин, будь то Сталин, знал все, и все в стране делалось с его одобрения и по его инициативе. Считается, что царская семья была зверски уничтожена по решению уральской большевистской организации, а не по распоряжению Москвы, Политбюро, лично Ленина.

Какое глубокое заблуждение!

<...>

Так что заподозрить Ленина в любви к русской интеллигенции нельзя. Рассмотрев его отношение к царской фамилии, к дворянству, интеллигенции, берем следующий, как выражается Н. Я. Мандельштам, слой («людей снимали слоями, по категориям») — церковь и духовенство.

Не знаю, чем объяснить особенную лютую ненависть В. И. именно к церкви и духовенству. Возможно, это месть за унижение деда, который был вынужден ради профессии и должности фельдшера (впрочем, и ради равноправного положения в российском

обществе) отречься от собственной религии, даже от собственного имени и принять чужую веру, а вместе с тем чужие имя и отчество. Перешла ли ненависть к христианству во Владимира Ильича сама собой, вместе с генами?

Научился ли он этой ненависти у французских революционеров? Ведь в Постановлении Генерального Совета Коммуны⁵ от 23 ноября 1793 года говорится:

1. Все церкви и храмы будут немедленно закрыты.
2. Все священники несут персональную ответственность за все волнения, источником которых являются религиозные убеждения.
3. Всякий, кто потребует открыть храм или церковь, будет арестован...

...Комиссар Конвента в Нанте Каррье... приказал «набивать» заключенными священниками барки... Эти барки отводились на середину Луары и там затоплялись. (По публикации в «Нашем современнике» № 4 за 1990 год, стр. 170.) Точь-в-точь все это происходило потом в Петрограде на Неве или где-нибудь в Холмогорах на Белом море.

Тогда возникает вопрос: откуда эта лютая ненависть у комиссаров Конвента? Или тоже передалось через гены? Или тоже дедам этих комиссаров пришлось пройти через унижительные процедуры отречения и неофитства?

Мариэтта Сергеевна Шагинян⁶ в своей «Лениниане» («Семья Ульяновых») точно отметила момент, когда в юноше Володе Ульянове начал пробуждаться бес разрушения, созревший и развившийся потом в полноценного дьявола, притом что у тела сохранялись все человеческие черты: нос, уши, позднее — лысина.

«Но перед юношей вся жизнь, полнота бытия захватывает его, рыжеватый пух вылезает на подбородке (Ленин от рождения был огненно-рыжим. — В. С.), он не умеет соразмерить голос — говорит громче, чем раньше, стучит каблуками сильнее, чем раньше, хохот вырывается у него по-отцовски резко, внезапно, чуть не до коллик...

Володя грубит, огрызается.

Дома все чаще и чаще слышно: «Володя, не груби. Тише, Володя...» Брат Саша, приехавший к лету, на вопрос Анны: «Как тебе нравится наш Володя?» — ответил уклончиво и неодобрительно, сделал Володе замечание за нечуткое отношение к матери... «Именно в эту пору Ильич перестал верить в Бога, а Надежда Константиновна рассказывает со слов Ильича о том, как,

перестав верить, он однажды сорвал с себя шейный крестик”» (М. С. Шагинян. «Лениниана». Изд. «Молодая гвардия». 1980, стр. 147–148).

Теперь задумаемся: случайно ли Анна спросила у приехавшего на лето Саши: «Как тебе наш Володя?» Нет, она спросила об этом обеспокоено, а Саша ответил уклончиво и неодобрительно. Большого Мариэтта Сергеевна в условиях тех лет написать не могла, но и так она сказала нам очень много. Она сказала нам, что в семье были обеспокоены поведением Володи, а точнее сказать — его здоровьем. Его душевным здоровьем, его психикой. Утрируя, обостряя и переходя на гиперболу, мы сказали, что в нем пробудился бес разрушения, что в него вселился дьявол. Это, конечно, символическая фигура. Мы ведь вообще-то реалисты, а не мистики. Надо считать, что уже в том возрасте у подростка проявились отклонения психики, началась пока еще очень робко та болезнь мозга, которая потом целое мозговое полушарие высушит до величины грецкого ореха (обнаружено при вскрытии), но которая в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных — это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови.

Признаки агрессивности замечались в нем еще в самом раннем детстве.

<...>

Бухарин — «Золотое дитя революции» (как его называл В. И.), теоретик партии — теоретизировал следующим образом: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи».

А недавно, вернувшись в Москву из далекой поездки, я просматривал накопившиеся газеты и в большой статье зацепился сознанием за цитату чуть ли не из Горького как раз по поводу голода. По небрежности и усталости я не выписал сразу эту цитату, а потом газету взяли домашние, и она затерялась. Но я помню, что это скорее всего была газета «Россия», и в конце концов статью эту найду. Цитата запомнилась мне в следующем виде, и я ручаюсь за ее почти полную точность: «Ну, умрут с голоду 35 миллионов человек, но это умрут неграмотные, невежественные, ленивые,

тупые, грязные люди. А на смену им придут новые, молодые, энергичные...».

Но мы пока о другом, — кроме двух выгод, которые большевики извлекали из голода, нашлась и третья. Под предлогом борьбы с голодом великому вождю революции пришла мысль ограбить все монастыри, лавры и церкви. В некоторых местах, в частности в тихом городке Шуе, что вблизи города Иванова, верующие воспротивились кощунственному насилию. Произошел инцидент. А Владимиру Ильичу только это было и нужно. Он немедленно разослал членам Политбюро письмо, которое оставалось секретным до недавних пор. Но в 1990 году оно было наконец опубликовано. А поскольку мы рассматриваем сейчас (по порядку сословий) отношение Ленина к российскому духовенству, то письмо это очень нам кстати и мы его выпишем целиком. Надеюсь, что читающие его не будут в претензии. Во всяком случае, скучно им не будет.

«Товарищу Молотову для членов Политбюро.

Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин у тоже) делать свои заметки на самом документе. ЛЕНИН.

По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим тоном борьбы в данном направлении.

Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому я изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей.

Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании Патриарха Тихона⁷, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

Очевидно, что на секретных совещаниях влиятельнейшей группы черносотенного духовенства этот план обдуман и принят достаточно твердо. Событие в Шуе лишь одно из проявлений этого плана».

На несколько строк сделав отступление, скажем, что это типичный ленинский стиль (не письма, а действий). Главное для него — наклеить ярлык. Просто верующие, просто священники — этого мало, чтобы их всех расстрелять без следствия и суда. Черносотенцы — это другое дело. Точно так же он потом тамбовское крестьянское восстание назовет кулацким, равно как и восстание пяти волостей в Пензенской губернии. А ведь в тамбовском восстании участвовали сотни тысяч крестьян. Черносотенцами, как известно, назывались боевики Союза Михаила Архангела. Но верующие городка Шуи, женщины, старушки, просто жители, не пустившие в церковь изъятелей ценностей (в этом и состоял обсуждаемый эпизод), какие же они черносотенцы? Ну и посылнее завести самого себя, а одновременно оправдать свои жуткие распоряжения и действия. Подобно тому, как урка начинает визжать с пеной на губах, прежде чем броситься на безоружного человека и начать его резать, здесь — ни на чем не обоснованное утверждение, что церковники секретно совещаются и вырабатывают план сопротивления большевикам. Да, сопротивления изъятию церковных ценностей (то есть икон, дарохранительниц, крестов, окладов, чаш) были, но они были, как мы сейчас сказали бы, спонтанными. Просто верующие россияне защищали и не хотели отдать свое.

В книге «Красный террор в России» на стр. 103 есть абзац:

«Найдем ли мы в жизни и в литературе описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествии в Шацком уезде Тамбовской губернии. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери... Устроили молебствие и крестный ход, за что местной ЧК были арестованы священники и сама икона... Крестьяне узнали о глумлении, произведенном в ЧК над иконой: “плевали, шаркали по полу”, и пошли “стеной выручать Божью Матерь”. Шли бабы, старики, ребятишки. По ним ЧК открыла огонь из пулеметов. Пулемет косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лезут напролом, глаза страшные, матери детей вперед, кричат: “Матушка, Заступница, спаси, помилуй, все за тебя ляжем...”»

Ну разве не черносотенцы? Не черносотенки?

Но продолжим выписку из уникального сверхсекретного документа.

«Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу (тоже самовзвинчивание, ибо верующие хотели бы одного, чтобы их оставили в покое. — В. С.) тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна.

Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной (вот именно. — В. С.) и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало».

(Значит, забота не о том, чтобы ликвидировать голод и чтобы люди перестали есть людей и чтобы на дорогах не валялись тысячи трупов, а чтобы создать себе «фонд» и чтобы легче было отстаивать свои позиции в Генуе, на Генуэзской конференции. — В. С.) «А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс (значит, Ленин шел на явный обман этих масс, грабя российские богатства под видом борьбы с голодом. — В. С.) в том смысле, что победа в борьбе с изъятием церковных ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. (Так все же о ком идет речь — о народных массах или о горстке черносотенного духовенства? И как сквозит у Ильича в этих словах “любовь” к народным массам. — В. С.) Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, то есть эсерам и милюковцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин. (Так вот для каких случаев держали там у себя русского дурачка и подонка! — В. С.) Никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно поэтому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает). (Этими словами и действиями Владимир Ильич добавляет ко всем своим “качествам” еще и коварство. — В. С.) В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления

декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против Шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим (так! — В. С.), был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

(А мы все еще до сих пор талдычим о советском правосудии и о правовых нормах в Советском государстве. — В. С.) Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев (? — В. С.). Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы, именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГНУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное (“секретное”, похоже, самое любимое словечко Ильича, после, конечно, “расстрелять”. — В. С.) решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, то есть на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение всей этой операции было обеспечено и проводилось в общесоветском и общенародном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

ЛЕНИН

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро, или письмо возбуждает какие-нибудь разночтения.

ЛЕНИН»

Голод, конечно, после изъятия ценностей не прекратился, большевики же, по некоторым сведениям, положили в свой фонд сорок восемь миллиардов в золотых рублях. Сколько человек при этом было расстреляно, закопано живыми, утоплено в прорубях, удушено, распилено пилами, зарублено топорами, замучено пытками, учету не поддается. Существует хорошее двухтомное издание «Новые мученики российские». Составлено М. Польским. Там, особенно в 1 томе, эти сведения имеются в достаточном и даже удручающем количестве.

Видимо, это письмо было результатом одного из острейших приступов мозговой болезни В. И., его агрессивности, его бешенства. А вскоре, очень даже вскоре, начали размягчаться и отключаться участки мозга один за другим.

До революции в России было 360 000 священнослужителей, 4 Духовные академии, 58 семинарий, 1250 монастырей, 55173 православных церквей и 25 000 часовен, 4200 католических храмов, 25 000 мечетей, 6000 синагог и более 4000 молитвенных домов.

К концу 1919 года осталось в живых 40 000 священников. В книгах о том времени против каждого имени — род его мученической кончины. Читаем: «утоплен», «исколот штыками», «избит прикладами», «задушен епитрахилью», «прострелен и заморожен», «изрублен саблями», а чаще всего «расстрелян». Причем встречается: «сам себе рыл могилу», «утоплен после долгих мучений», «после жестоких мучений»; встречаются пояснения, за что принял тот или иной служитель церкви лютую смерть: «за проповеди», «за колокольный звон», «за отказ сражаться в армии красных против сибирских войск». В 1921 году ликвидировано 722 монастыря. В 1922 году Соловецкий монастырь превращен в концентрационный лагерь.

После декрета об изъятии церковных ценностей прошли массовые процессы в ряде городов, показательные процессы в Москве и Петрограде. По суду расстреляно белого духовенства 2691, монашествующих мужчин — 1962, монахинь и послушниц — 3447.

Помимо этого, без суда погибло еще не менее 15000 белого и черного духовенства.

<...>

Теперь настала очередь после царствующего дома, дворянства, интеллигенции, духовенства и купечества взглянуть на отношение Ленина к основной массе российского населения — к крестьянам. Ведь даже и на гербе — серп и молот. Рабоче-крестьянская власть. Уж крестьян-то, наверное, должен был бы любить Владимир Ильич.

Парадокс состоит в том, что крестьян Ленин ненавидел больше, чем любое другое сословие в России. В своем месте, в отдельной главе этой книги, мы более обстоятельно разовьем эту тему, как он бросал против крестьян регулярную армию, головорезные, грабительские продотряды, как он пол-России выморил голодом и насильничал так, что крестьяне то и дело восставали, и тогда целые крестьянские волости и губернии топились в крови. А схема была знакомая. Точно так же, как при подавлении и уничтожении духовенства, он наклеивал ярлыки реакционеров и черносотенцев, точно так же на крестьян он стал клеить ярлыки бандитов и кулаков. В Пензе восстало пять волостей. Это сотни и тысячи повстанцев. Повстанцы? Бандиты и кулаки!

«Пенза Губисполком, Минкину.

Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции...» (В. И. Ленин в основном цитируется по Полному собранию сочинений, издание 5-е, М., Госполитиздат, 1962. — *Ред.*).

Телеграмма Ливонскому исполкому. 20.VIII. 1918 г.

«Приветствую энергичное подавление кулаков и белогвардейцев (!) в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и, не упуская ни минуты... конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков... арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба...

Телеграфируйте исполнение. Часть образцового Железного полка пошлите тотчас в Пензу.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

Тут надо пояснить, что «излишками» Ленин замаскированно называл весь хлеб, добиваясь двух целей: сосредоточения всего хлеба в своих руках, как орудия власти, и для того, чтобы инспирировать голод и детоедство.

«Пенза Губисполком, Копия Евгении Богдановне Бош.

Получил вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор... сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города.

Экспедицию (карательную, тот самый “Железный полк”. — В. С.) пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

«12 августа 1918 г. Москва. Пенза, Губисполком. Бош.

Получил Вашу телеграмму. Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба...»

Замечательный публицист Дора Штурман добавляет от себя после этой цитаты:

«Видит ли Ленин голодную смерть детей за этими своими бесчисленными приказами отобрать весь хлеб у сопротивляющихся продразверстке и не имеющих никаких хлебных “излишков” людей, которых он именуется “кулаками”?» (Слова выделены Дорой Штурман.) Видит и знает. Вспомним его фразу из секретного письма в Политбюро по поводу изъятия церковных ценностей: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем...» и т. д.

Более обширным, нежели Пензенское, было известное Тамбовское восстание крестьян, против которых Ленин бросил регулярную армию под командованием Тухачевского⁸, а также ЧОНовские карательные войска. (Между прочим, участником этой карательной войны с крестьянами был известный впоследствии писатель Аркадий Гайдар.) С. П. Мельгунов⁹ в своей страшной по содержанию книге «Красный террор в России» пишет на стр. 29: «Брали сотнями заложниц — крестьянских жен вместе с детьми во время крестьянских восстаний в Тамбовской губернии: они сидели в разных тюрьмах, в том числе в Москве и в Петербурге, чуть ли

не в течение двух лет. Например, приказ оперштаба тамбовской ЧК 1 сентября 1920 года объявлял: «Провести к семьям восставших беспощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всех с 18-летнего возраста, не считаясь с полом, и если бандиты выступления будут продолжать, расстреливать их. Села обложить чрезвычайными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество»».

Как проводился в жизнь этот приказ, свидетельствуют официальные сообщения, печатавшиеся в тамбовских «Известиях»:

«5 сентября сожжено 5 сел; 7-го сентября расстреляно более 250 крестьян... В одном кожуховском концентрационном лагере под Москвой (в 1921–1922 гг.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качестве заложников, в числе их дети от 1 месяца до 16 лет. Среди этих раздетых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 года свирепствовал сыпной тиф...

...Расстреливали и детей и родителей. И мы найдем засвидетельствованные и такие факты. Расстреливали детей в присутствии родителей и родителей в присутствии детей...»

О «любви» Ленина к крестьянству, которую можно выразить грубоватой, но справедливой русской пословицей — «Полюбил волк кобылу, оставил хвост да гриву», говорит и его разговор с Уэллсом¹⁰, записанный последним в книге «Россия во мгле». Уэллс беседует с Лениным.

«— И вы возьметесь за все это с вашими мужиками, крепко сидящими на земле?

Будут перестроены не только города; деревня тоже изменится до неузнаваемости.

— Уже и сейчас, — сказал Ленин, — у нас не всю сельскохозяйственную продукцию дает крестьянин. Кое-где существует крупное сельскохозяйственное производство. Там, где позволяют условия, правительство уже взяло в свои руки крупные поместья, в которых работают не крестьяне, а рабочие. Такая практика может расширяться, внедряясь сначала в одной губернии, потом в другой.

Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные (подчеркнуто мной. — В. С.), не будут знать, что происходит, пока не придет их черед...

Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко.

Говоря о крестьянах, Ленин склонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать».

Не правда ли, каждое слово вождя так и дышит любовью к крестьянам.

<...>

Вновь утвердилось за Уралом поганое батыево право, утвердилось против воли мужика, насильно. Пришла-вернулась советская власть-матушка, противная для мужика, вредная для его хозяйственных устремлений. Опять и по-прежнему сидел Ленин в Кремле, защищенный от любящего народа высокими зубчатыми стенами, но теперь, после восстания, он не грозил уже народу военным коммунизмом и продразверсткой. Понял ли он сам потухающим своим умом или подсказал кто, что пренебрегать нуждами крестьянина и отрицать собственнические интересы мужика неразумно, что надо искать какую-то иную, компромиссную форму. И был придуман НЭП. А вскоре не стало и самого Ленина.

На смену Ленину пришел Рыков. Этот руководитель и его группа (Бухарин, Томский и др.) понимали и, насколько можно, оберегали интересы крестьянина. Это они бросили крестьянину лозунг: «Обогащайтесь!»

Расшатанное хозяйственными экспериментами ленинской политики в деревне крестьянское хозяйство стало при Рыкове снова набирать силы, стало восстанавливать упавшие промыслы и свои прежние занятия, возрождать забытые традиции и порядки сельского уклада. И за какие-нибудь 3–4 года нэпа мужик почти залечил изъязны ЛЕНИНСКОЙ поры, и хозяйство его почти достигло довоенного уровня.

Но тут всплыло на поверхность общественной жизни нечто новое — появился Сталин. Этот «деятель», не зная и вовсе не понимая ничего в делах хозяйственных вообще, а в крестьянском хозяйстве в особенности, признал, однако, за собой высший авторитет в решении судеб деревни.

Тогда как действительным мерилom его осведомленности в крестьянском вопросе была лишь лютая его злоба к мужику. А злоба отчего? Да оттого, что как волку везде псиной пахнет, так и Сталину, постоянно бегавшему и скрывавшемуся от полиции, в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги, как бородатые дворники то проделывали — поймать, свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию. Так Сталин-Ленин-Дзержинский считали всегда мужика своим потенциальным

врагом, противником всякого бунтарства-бродяжничества и заступником существующего порядка, который те, наоборот, всегда пытались как-то подорвать, нарушить. И вот теперь, сам дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды за прежние и во всем неудачи и просчеты. Сталин задумал и начал перестраивать деревню. Взялся он за это капитально и усердствовал до «головокружения» с привлечением к активному участию в операциях воинских контингентов, всего многоликого аппарата ОГПУ и всего партийного аппарата сел и городов, печати и радио. Были придуманы и такие новые названия проводимых Сталиным мер и операций, как раскулачивание, за большевизацию колхозов, беспартийные большевики и проч. А по сути все это было наипростейшим из того, что мог человек руками и головой своей создать — круши-ломай все, что видишь, бери-хватай все, что хочешь! Такими концентрированными мерами Сталин добился-таки, чего не смогли, не догадались или не успели сотворить до него над ненавистным мужиком и над сибирской деревней Ленин с Дзержинским, именно: Сталин сгубил мужика вконец, самого мужика он расстрелял или со всей его семьей сослал в отдаленные дебри Нарыма, Васюгана и других неоглядных болотистых и лесных пространств в бассейне рек Оби, Енисея, Лены, а все хозяйство мужика и все прежние поселения его на сибирской земле он развеял до ветру.

Такою в историческом аспекте оказалась подлинная природа и правда «мудрой ленинской политики в деревне»!

И такую по своему содержанию была ОНА, во всю богомерзкую свою харю неприкрашенная, «родная Советская власть-матушка» — это исчадие Золотой Орды хана Батыя и его кнутобаевсподвижников на многострадальной Русской и Сибирской земле!

<...>

Герберт Уэллс не мог (или не хотел) предположить, что каждый шаг большевиков, а в особенности каждое слово (кроме, конечно, приказов о расстреле и самих расстрелов), есть сознательная, продуманная, направленная на заведомый обман людей ложь. То есть, конечно, между собой, в узком кругу на заседаниях Политбюро или Совнаркома они были искренни друг с другом и говорили правду, но, обращаясь к широким массам (к насекомым, проскользнуло где-то у вождя), они лгали беззастенчиво и всегда.

<...>

...Уже в 1918 году на знаменитом Путиловском, самом революционном заводе, вспыхнуло антибольшевистское восстание. В сущности, это было не восстание, а шествие, демонстрация, манифестация с флагами и лозунгами. Какие же флаги и лозунги рабочие путиловцы несли? Флаги — красные, а лозунги: «Вся власть Советам», «Власть — рабочим комитетам», «Власть Петроградскому Совету». И что же большевики? Как они отнеслись к пролетариату, якобы стоящему у власти в России? Они это шествие беспощадно расстреляли из пулеметов, после чего оно и стало называться восстанием. Точно так же беспощадно (а действовали латышские стрелки, о которых мы подробнее поговорим позже) были расстреляны Ижорское и Колпинское т. н. восстания. А потом Ижевское, Златоустовское, Астраханское. Да, в Тамбовской губернии было восстание крестьян, в Пензенской губернии восстание крестьян, в Шуе и Рогачеве горожане оказали сопротивление изъятию церковного имущества. Но в Петрограде, Ижорах, Колпине, Астрахани расстреливали про-ле-та-ри-ат.

История не сохранила подробностей подавления пролетариата в Петрограде. Больше известно о Кронштадтском восстании, когда опомнились уж не рабочие, а матросы, чьими руками во многом свершалась т. н. Октябрьская революция.

Но об Астрахани кое-что есть.

Берем, читаем и цитируем С. П. Мельгунова, его книгу «Красный террор в России». Скажем только, что Мельгунов — добросовестный, скрупулезный исследователь, и каждому его слову, каждой его цифре, идет ли речь о крымских расстрелах, идет ли речь об Астрахани, можно верить.

«В марте (1919 г. — В. С.) в Астрахани происходит рабочая забастовка... Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками и гранатчиками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок.

Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.

Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стога раненых, ни предсмертных криков убитых насмерть.

Город обезлюдел. Притих. Кто бежал, кто спрятался.

Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов.

Этим была закончена первая часть ужасной астраханской трагедии.

Вторая — еще более ужасная — началась 12 марта. Часть рабочих была взята “победителями” в плен и размещена по шести комендатурам, по баркам и пароходам. Среди последних и выделился своими ужасами пароход “Гоголь”. В центр полетели телеграммы о “восстании”. Из центра пришла лаконичная телеграмма, подписанная Троцким, но, наверное, уж и Владимир Ильич знал о происшествии в городе его дедушки, бабушки и отца. В телеграмме значилось: “Расправиться беспощадно”. И участь пленных была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде.

В подвалах ЧК и просто во дворах расстреливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Некоторым вязали руки и ноги и бросали с борта... В городе было так много расстрелянных, что их едва успевали свозить ночами на кладбище, где они грудями сваливались под видом “тифозных”... Каждое утро вставшие астраханцы находили среди улиц полураздетых, залитых кровью, застреленных рабочих. И от трупа к трупу при свете брезжившего утра живые разыскивали дорогих мертвецов.

13 и 14 марта расстреливали по-прежнему только одних рабочих.

Но потом власти, должно быть, спохватились. Ведь нельзя было даже свалить вину за расстрелы на восставшую “буржуазию”. И власти решили, что “лучше поздно, чем никогда”. Чтобы хоть чем-нибудь замаскировать наготу расправы с астраханским пролетариатом, решили взять первых попавшихся под руку “буржуев” и расправиться с ними по очень простой схеме: брать каждого домовладельца, рыбопромышленника, владельца мелкой торговли, заведения и расстреливать.

К 15 марта едва ли можно было найти хоть один дом, где бы не оплакивали отца, брата, мужа...

Точную цифру расстрелянных можно было бы восстановить поголовным допросом граждан Астрахани. (Кстати, о том, что это было не восстание, но просто избиение, говорит тот факт, что со стороны карателей не было ни одного убитого. — В. С.) Сначала называли цифру две тысячи, потом три. Потом власти стали опубликовывать сотнями списки расстрелянных “буржуев”. К началу апреля называли четыре тысячи жертв. А репрессии все не стихали. Власть решила, очевидно, отомстить рабочим Астрахани за все забастовки — и за Тульские, и за Брянские, и за Петроградские, которые волной прокатились в марте 1919 года.

Жуткую картину представляла Астрахань в это время. На улицах — полное безлюдье. В домах — потоки слез. Заборы, витрины и окна учреждений заклеены приказами, приказами, приказами...»

Да, еще удержалась в моей памяти картина, вычитанная где-то, когда-то (у Мельгунова я не нашел), что ночью астраханские жители бросились массами в степи, в сторону Казахстана. Их в степи настигали конные отряды и рубили пашками. И спастись там уж было нельзя...

О непосредственной причастности Ленина к кровавому избиению астраханцев говорит, по-моему, тот факт, что Ленин послал в Астрахань своего полномочного представителя, который и возглавил всю эту карательную акцию. Сохранилась где-то в анналах телеграмма Сталина Владимиру Ильичу, что-то вроде (кто захочет, найдет): «Можете быть спокойны, врагам революции не будет пощады». И никому не приходит в голову: как же так? Революция пролетарская, диктатура пролетарская, и пролетарии же оказываются ее врагами? И чья же в таком случае диктатура?

<...>

Но сначала задумаемся над словами: «Освобождение рабочего класса». Казалось бы, какое дело интеллигентам с космополитическими наклонностями — Марксу, Энгельсу, Плеханову, Аксельроду, Ульянову — до рабочего класса? И от чего этот класс нужно освободить? От труда (группа «Освобождение труда»)? И хотят ли сами рабочие, чтобы их от труда освободили? Мала зарплата? Штрафы? Но тогда надо было бы создавать группы «улучшения жизни рабочих», а не освобождения их от труда. Ведь если их освободить от труда, то они уже перестанут быть рабочими, а на их место у машин, станков, в шахтах встанут другие люди, которые тоже будут называться рабочими. Сделать их труд свободным?

Но это же фикция. Рабочих ведь не держат в лагерях, за ключей проволокой. Их держит на заводах и фабриках, в шахтах и на паровозах необходимость зарабатывать деньги. Но эта необходимость существует и теперь. Забегая вперед, скажем (а скоро, через определенное количество страниц, и докажем), что Ленин, придя к власти, теоретически обосновал и практически осуществил необходимость и неизбежность принудительного труда для рабочего класса, а заодно и всего населения страны.

Им, марксистам, для того, чтобы завоевать какую-либо страну и править в ней, необходимо было народ (тот или иной народ) подразделить на классы. Классовая теория марксизма. В то время как народ — это цельный, исторически сложившийся организм.

А подразделив народ на классы, можно натравить один класс на другой. Пусть они борются друг с другом и уничтожают друг друга. А выиграют марксисты. Классовая теория — это ключик к любой стране и к любому народу. А наиболее подходящий класс, с которого надо начинать, есть, правда, рабочий класс.

Во-первых, рабочие механически уже объединены. Ищи там крестьян по разным деревням, а интеллигентов по их домам, а ремесленников-одиночек по их мастерским. Рабочие же каждый день собираются в одно место в количестве многих тысяч человек. Легко агитировать, легко спровоцировать их выйти с флагами. Во-вторых, крестьянин привязан к своей земле, к своему хозяйству, ремесленник — к своему «делу», рабочий же не привязан ни к чему, кроме рабочего места, которое легче сменить на другое, нежели хозяйство или мастерскую. Отсюда и формула Маркса: «Рабочим нечего терять, кроме своих цепей». Более того, Маркс выкинул формулу, лозунг: «Пролетариат не имеет отечества».

Действительно, из всех слоев населения той или иной страны пролетариат (будем рабочих называть по-марксистски) наименее обременен национальным самосознанием. Во всяком случае, пролетариату легче, чем какому-либо другому слою населения, заморочить голову, распропагандировать его. Отсюда марксистский лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Соединяйтесь поверх своих народов и поверх своих правительств. То есть сокрушая свои правительства и размывая свои народы.

<...>

Держать Собрание сочинений Ленина каждому большому начальнику (директору завода, генералу какому-нибудь) считается не то чтобы обязательно... но как-то солидно и внушительно: письменный стол с телефонами, а около боковой стены застекленный шкаф с томами Ленина.

Много их стоит у разных людей, в разных кабинетах, но не многие Ленина читали. Если же кружки по изучению первоисточников, партучеба и семинары, то как-то так получается, что начинают все время с ранних работ: «Материализм и эмпириокритицизм», «Что делать?», «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?».

Пока обучающиеся продерутся сквозь философские дебри этих работ, пока конспектируют, глядь, а семинарский год уже кончился, так что ни на одном семинаре, ни на одной партучебе

никогда дело не доходит до поздних его томов, до того времени, когда кончается философия и начинается практическая деятельность.

Взглядывая на эти тома в кабинете кого-нибудь из своих достигших официальных высот друзей, я, бывало, ловил себя на мысли, что не читал Владимира Ильича и теперь уж, слава Богу, пожалуй, никто и никогда не сможет меня заставить прочитать эти книги.

То ли от этого «эмпириокритицизма» осталось, что напичканы эти тома сухой, схоластической, неудобовоспринимаемой материей, но помню, я всегда удивлялся, если видел человека, читающего Ленина.

— А ты почитай, — скажет иной такой человек, — ты почитай, знаешь, как интересно!

Но часто бывает, что маленький, незначительный эпизод вдруг заставит взглянуть на вещи по-новому, другими глазами, когда вдруг увидишь, чего не видел раньше, и станет интересным, даже жгуче интересным то, что казалось скучным.

Один читатель, пытаясь внушить мне в своем письме какую-то (не помню уж теперь) мысль о первых днях революции, написал: «А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269, и прочитайте, что там написано».

Нельзя сказать, чтобы я тотчас бросился открывать том, да и не было его у меня под руками, потому что дома я никогда Ленина не держал. Однако том и страница запомнились, и однажды на заседании редколлегии в одном журнале я оказался около шкафа с книгами. Пока говорились там умные речи и обсуждались планы, я вспомнил про наущение читателя и, потихоньку приоткрыв дверцу шкафа, достал нужный том. Наверное, еще подумали мои коллеги, что я собираюсь выступить с речью и хочу вооружиться необходимой цитатой, а я сразу, сразу на стр. 269. Строчки ведь указаны не были, так что мне пришлось прочитать всю страницу, и я сразу понял, о каких именно строчках шла речь в письме.

«Я перейду наконец к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и речь. Попало здесь особенно лозунгу “грабь награбленное”, — лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное... Если мы употребляем слова “экспроприация экспроприаторов”, то почему же нельзя обойтись без латинских слов?» (Аплодисменты).

Я и раньше слышал, будто существовал такой лозунг в первые же дни революции и что будто бы он принадлежал лично Владимиру Ильичу.

Но тогда я думал, что он существовал по смыслу, по сути, а не в обнаженном словесном оформлении, и теперь, должен признаться, меня немного покорибила откровенная обнаженность этого лозунга.

Прочитанные строки были взяты из заключительного слова по докладу «Об очередных задачах советской власти». Времени было еще много, заседание редколлегии еще только началось, я стал листать оказавшийся в моих руках том и очень скоро понял, что листанием тут не обойдешься, что надо его внимательно прочитать.

<...>

«Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет».

Вот так раз! При такой постановке вопроса нет ничего удивительного, что, сколько бы мы ни листали Ленина, сколько бы ни штудировали, нигде мы не можем вычитать: а собственно говоря, что же такое социализм, который собирались построить? «Социализм — это учет»? «Социализм без почты и телеграфа есть пустейшая фраза»? «Кто не работает, тот не ест»? «От каждого по способностям, каждому по труду»? Вот это все и есть пустейшие фразы. И если между государственным капитализмом и социализмом нет ни одной промежуточной ступени, то чем же все-таки отличается социализм от государственного капитализма? Неужели ничем? А если отличается, то все-таки чем? Прямых ответов на этот вопрос у Ленина не встречаем.

Про себя же они понимали дело четко и просто. Осуществить полный учет и контроль над каждым граммом и над каждой штукой чего бы то ни было произведенного в стране. Все, что бы ни производилось в стране, держать в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Благодаря такому контролю и распределению держать в подчинении и в трудовой повинности всех без исключения живущих в стране людей, все поголовно население. Чтобы оно подчинялось единой воле как один человек. Вот это и есть, по их мнению, социализм. То есть самая высшая и самая массовая форма рабства.

Но для того, чтобы миллионы людей оказались в материальной, имущественной, хлебной зависимости, надо их сначала лишить тех некоторых запасов, которые они, может быть, накопили и которые дадут им возможность чувствовать себя независимыми от пайка, от хлебной карточки, от зарплаты. Поэтому, взяв власть, с первых шагов большевики начали стремиться прибирать к рукам каждый рубль, каждую копейку, каждый грамм хлеба.

Крупную буржуазию, фабрикантов и банкиров удалось уничтожить легко. Да их и было немного, можно пересчитать, взять на учет и ограбить. А вот что делать с мелким собственником? Их же десятки миллионов. Мелкие собственники вызывали у Ленина большую ненависть, чем крупные капиталисты, и он об этом откровенно пишет и говорит. Ведь мелкие собственники — это все самодеятельное население России, самодеятельное и поэтому самостоятельное. А как раз и надо было лишить его самостоятельности, подчинить и превратить в механизм, послушный единой воле.

«Не видят мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас».

Итак, главный враг социализма — это самодеятельные и самостоятельные люди. Кто же они? Ответ Ленина недвусмыслен.

«Большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители».

«Мелкий буржуй имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных “правдами” и особенно “неправдами”...»

Не дают покоя деньжонки в чужих карманах. Ну а «неправдами» — это, конечно, ввернуто для красного словца. Какими неправдами могло копиться деньжонки «громадное большинство земледельцев»? И не мог же он сказать — «все земледельцы», а имел-то в виду всех, ибо что же еще может означать выражение «громадное большинство». К людям, накопившим деньжонок, можно было бы отнести и различных там валял, златошвеек, кружевниц, шорников, овчинников, кожемьяк, сапожников, воскобоев, столяров, плотников, краснодеревщиков, чеканщиков, извозчиков, иконописцев, офень, пильщиков, угольщиков, стеклодувов, кровельщиков, печников — короче говоря, все самодеятельное население России. И все это объединялось общим названием — мелкобуржуазная стихия. Словечко с окраской. Назови «земледелец» — и уже не то.

«Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный (!) слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, прячет его от “государства”, ни в какой социализм и коммунизм не веря...» «Мелкий буржуа, хранящий тысчонки, враг государственного капитализма, и эти тысчонки он желает реализовать непременно для себя...» Вот ведь какие подлецы, какая темнота и несознательность!

Вместо того, чтобы просто отдать денежки государству, прячут и норовят израсходовать на себя. Не выйдет, господа мелкие собственники!

Отберем. Где силой, а где лишив товаров и посадив на сухой хлеб. Через торгсины, не мытьем, так катаньем, но отберем!

Тут и встала перед большевиками главная, главнейшая задача — сосредоточить в своих руках весь хлеб. Это главное средство воздействия, подавления и поощрения, а проще говоря — власти.

Началась одна из самых кошмарных и кровавых страниц русской истории под названием — продовольственная диктатура.

Для себя Владимир Ильич твердо знал, что он осуществляет хлебную монополию, то есть сосредоточивает весь хлеб, имеющийся в России, в своих руках. Но для общественного мнения был выкинут жупел, словечко, против которого невозможно, кажется, возразить, коротенькое словечко — голод.

Было сделано так, что два главных города, Петроград и Москву, посадили на голодный паек. Сто граммов хлеба в день. Дикие очереди за этими ста граммами. Ну а раз голод — значит, надо объявить поход за хлебом, борьбу за хлеб, изъятие хлеба ради голодающих. Дело благородное и чистое как слеза.

Но голод в Москве и Петербурге был инспирирован. Именно в это время Лариса Рейснер¹¹, скажем, жила, занимая особняк с прислугой, принимая ванны из шампанского и устраивая званые вечера. Именно в эти годы Зиновьев, приехавший в дни революции из-за границы тощим, как пес, разжирел и отъелся так, что его стали звать за глаза «ромовой бабой». Да и как могут голодать два города, если они не блокированы неприятелем, когда во всей остальной стране полно хлеба. Разрешить — и тотчас же на всех базарах появятся горы хлеба и разных других продуктов. О том, что голода фактически нет, не раз в эти годы говорил и сам Ленин...

«Сейчас надвигается голод, но мы знаем, что хлеба вполне хватит и без Сибири, Кавказа, Украины. Хлеба имеется достаточное

количество до нового урожая в губерниях, окружающих столицу, но он весь запрятан кулаками».

<...>

Большевики завоевали Россию. Сошлемся опять на Ленина.

«...Большевикам удалось сравнительно чрезвычайно легко решить задачу завоевания власти как в столице, так и в главных промышленных центрах России. Но в провинции, в отдаленных от центра местах... Советской власти пришлось выдержать сопротивление, принимавшее военные формы, и только теперь, по истечении более чем четырех месяцев со времени Октябрьской революции, приходящее к полному концу. В настоящее время задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах. *Россия завоевана большевиками*» (выделено нами. — В. С.).

Когда одна страна завоевывает другую, когда и Российская империя завоевывала Среднюю Азию, как там ее ни осуждай, ясна была цель, которой не скрывали и сами завоеватели. Многие манифесты (или какие-то там воззвания) так и начинались: «Стремясь к дальнейшему расширению пределов Российской империи...» Итак, когда одна страна завоевывает другую и устанавливает там жестокий оккупационный режим, дабы подавить сопротивление населения и удержать эту завоеванную страну под своей властью, там преследуется хоть и неблагоприятная, но понятная цель: присоединить к метрополии завоеванную страну.

Но вот Россию завоевала группа, кучка людей. Эти люди тотчас ввели в стране жесточайший оккупационный режим, какого ни в какие века не знала история человечества. Этот режим они ввели, чтобы удержаться у власти. Подавлять все и вся и удержаться у власти. Они видели, что практически все население против них, кроме узкого слоя «передовых» рабочих, то есть несколько десятых процента населения России, и все же давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали как могли, чтобы удержать эту страну в своих руках. Зачем? Ради чего? С какой целью? Ради того, чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы. Всеобщий учет и контроль производимых продуктов, государственную монополию на все виды товаров и их распределение по своему усмотрению. И это было бы полбеда. Но из углубленного прочтения Ленина узнаем, что эти учет и распределение, в свою очередь, являются средством, а не целью. Средством к то-

му, чтобы осуществить всеобщую трудовую повинность в стране, то есть заставить людей принудительно трудиться, заставить их подчиняться воле одного человека — руководителя, диктатора, то есть средством к тому, чтобы все население страны превратить в единый послушный механизм.

«Организация учета, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи».

Но тогда возникает вопрос: зачем? Хорошо, допустим, что у Ленина это объяснено.

«Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов... какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет...» «Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран».

«А пока там, на Западе, революция зреет, хотя она зреет теперь быстрее, чем вчера, наша задача только такая: мы, являющиеся отрядом, оказавшимся впереди, вопреки нашей слабости должны все делать, всякий шанс использовать, чтобы удержаться на завоеванных позициях... остаться на своем посту, как социалистическому отряду, отколовшемуся в силу событий от рядов социалистической армии и вынужденному переждать, пока социалистическая революция в других странах подойдет на помощь».

«Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней... и когда она начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие» (с. 16.) Итак, допустим, что с недели на неделю ждали мировую революцию и тогда надеялись триумфальным шествием пройти по всему миру, хотя это предположение говорит больше не о гениальности, а о слепоте и фанатизме. Но опять возникает вопрос: ради чего, зачем и что принести всем народам? Да то же самое: всеобщий учет, контроль за распределением продуктов. Всеобщую трудовую повинность.

Подчинение миллионов (а тогда уже миллиардов) людей единому плану, единой воле, единому руководителю с диктаторскими полномочиями.

Зачем? Ради чего? Зачем живых, инициативных, самостоятельных людей превращать в единый, послушный, но зато безмозглый государственный механизм, весь подчиняющийся нажатию одной кнопки?

Допустим, что — банальная идея мирового господства, осуществленная не путем походов Юлия Цезаря, Александра Македонского или Наполеона¹², но путем хитрой отмычки так называемой классовой борьбы и натравливания в каждой стране одной части населения на другую. («Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой». — Ленин.) Допустим, что это банальная идея мирового господства. Но для кого? Чье господство?

Желание римского императора господствовать над миром чудовищно, но понятно так же, как любой другой могущественной нации. Но здесь-то чье господство? Неужели только свое? Или своей группы? Но ведь остается пять-шесть лет жизни... Ну пусть Сталин потом господствовал тридцать лет, но все равно, неужели ради этого надо потрошить народы, истреблять физически лучшую часть каждого народа, морить его голодом, держать в тюрьмах и лагерях, загонять в колхозы, лишив земли, лишив заинтересованности в труде, не говоря уже о поэзии труда, о его радостях, хотя и сопряженных с тяжестью. Труд есть труд. Всякий труд тяжок и связан с потом. Но все же когда он — трудовая повинность, он тяжок стократ.

<...>

Власть большевиками была взята в конце 1917 года, а в 1918 году началось беспощадное и кровавое воплощение в жизнь утопической теории мировой революции и построение коммунизма. Но сначала надо было укрепиться у власти. Очень скоро большевики поняли, что все население страны практически против них. Был даже, говорят, момент, когда Ленин, бесчувственный, словно робот, целенаправленный, как узкий луч лазера, Ленин и тот дрогнул и сказал будто бы вслух: пора уходить.

Однако его сообщники, и в первую очередь Троцкий и Свердлов, сказали, что ни в коем случае уходить нельзя.

— А тогда что же?

— Террор.

Террор без суда и следствия. Стрелять на месте во всех городах страны, стрелять сотнями, тысячами, стрелять, пока они не опомнились.

Подавить страну страхом, залить кровью, завалить трупами, скормить ее вшам, выморить тифом и голодом, но любой ценой удержаться.

Ленин воспринял эту моральную поддержку своих сообщников и сам возглавил этот террор, назначив председателем ВЧК приبلудного поляка Дзержинского, который не любил Россию так же, как и вождь пролетариата. Ленина однажды предостерегли: «Может начаться гражданская война...» «— Чего вы боитесь? Речь идет не о нашей борьбе с войском, а о борьбе одной части войска с другой».

Началась самая кровавая, самая жуткая страница российской истории. Тогда-то Владимир Ильич и бросил крылатую фразу: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции.

Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис¹³ (который тоже не обязан был любить Россию) опубликовал в газетке «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным:

«Мы не ведем войны против отдельных лиц, — писал Лацис, — мы истребляем буржуазию как класс... Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы ему должны предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и “сущность красного террора”. Требуется не наказание, а уничтожение их».

Между прочим, курьез, что под эти вопросы (происхождение, воспитание, образование, профессия) лучше всех подходил для расстрела без суда и следствия сам Владимир Ильич!

<...>

С военной точки зрения Белая гвардия была разбита, побеждена, но духовно она победила. Как духовно победил большевиков Патриарх Тихон, умерщвленный большевиками, а ныне причисленный к святости.

Как духовно победил Ленина Николай II¹⁴, расстрелянный им и разрезанный на куски. И чем больше будет проходить десятилетий, тем более очевидным будет становиться этот факт.

Спассти Россию Белой гвардии не удалось, но честь России она спасла.

Делались попытки приписать болезнь Ленина и его преждевременную смерть отравленным пулям эсерки Каплан¹⁵. Это попытка с негодными средствами. Отравленная пуля убивает насмерть, на то она и отравленная. И вообще во всей этой истории с покушением много туманного. В некоторых статьях последнего времени проскальзывал даже вопрос: да было ли покушение-то? А если и было, то насколько оно было серьезным? Ведь Фанни Каплан стреляла в упор, притом произвела несколько выстрелов. Надо совсем не уметь пользоваться оружием, чтобы, стреляя в упор, только ранить человека в плечо. Могла бы выстрелить в лоб, либо в затылок. И кто же берет, идя на покушение, почти игрушечный «дамский» браунинг? Уж не холостыми ли патронами стреляла во Владимира Ильича приятельница Надежды Константиновны, Инессы Арманд да его самого? (Есть фотография, на которой Надежда Константиновна и Инесса Арманд идут по дорожке и с ними Фанни Каплан. Мирная, теплая компания.) А большевикам нужен был повод для новой кровавой волны террора. И нужен был повод, кроме того, устранить с исторической сцены эсеров.

В Петрограде 17 августа 1918 года убивают Моисея Соломоновича Урицкого, комиссара Северной коммуны, руководителя Петроградской ЧК. Убивший большевика Леонид Каннегисер¹⁶ заявил на допросе, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-нибудь организации, а по собственному побуждению. Не исключено, что большевистский режим пожертвовал двумя большевиками, чтобы расстрелять более десяти тысяч человек. По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, Осип сказал ей, что «на смерть Урицкого большевики ответили “гекатомбами трупов”».

Через одиннадцать дней, 28 августа, в Москве — покушение на Ленина. Конечно, были и массовые аресты, но в первые дни просто расстреливали тех, кто уже сидел в тюрьмах. Не только Петроград и Москва ответили на покушение на Ленина сотнями убийств. Эта волна прокатилась по всей Советской России — по большим и малым ее городам.

«Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя тов. Ленина, — сообщает Нижегородская ЧК, — побуждает отказать от сентиментальности (то-то сентиментальными были

до этого дня чекисты! — В. С.) и твердой рукой провести диктатуру “пролетариата”. В силу этого расстреляны...» (далее идет список).

«В ответ на убийство тов. Урицкого и покушение на тов. Ленина красному террору подвергнуты...» (далее идут списки). Это в Сумской уездной ЧК Харьковской губернии. Уж наверное граждане города Сумы не участвовали в тех покушениях.

По рассказу коменданта Московской ЧК... «Приехал бледный как полотно Дзержинский и отдал приказ: “Расстреливать по спискам всех кадетов, жандармов, представителей старого режима и разных там князей и графов, находящихся во всех местах заключения Москвы, во всех тюрьмах и лагерях”».

Я вот думаю: убили взрывом бомбы Александра II¹⁷. Возможно ли вообразить, чтобы в ответ на это злодеяние по всей России начали бы вешать десятками тысяч не причастных к этому убийству людей? Ну, повесили, наверное, непосредственного исполнителя террористического акта.

Теперь самое время подивиться на то, что при десятках тысяч расстрелянных не расстреляли Фанни Каплан.

<...>

Сверхгуманизм? Непохоже на этих людей. Я думаю, что это — продолжение спектакля, в котором главная роль была отведена хорошей знакомой как самого Ленина, так и его ближайшего окружения. «Тайны мадридского двора».

(Года полтора-два назад не то в «Вечерней Москве», не то в «Труде», не то в «Известиях» промелькнуло сообщение о том, что на Дальнем Востоке скончалась Фанни Каплан. При желании можно найти.

Но мы не будем копать в подшивках. Сам по себе этот факт, что Каплан не расстреляли, не имеет большого значения.) Нам важно то, что роковая болезнь Владимира Ильича не была следствием его ранения в плечо, если даже такое ранение действительно было.

Он умер от болезни мозга. Еще в 1920 году Герберт Уэллс, оставляя нам словесный портрет Ленина, пишет: «Слушая собеседника, он щурит один глаз. Возможно, это привычка, вызванная каким-то дефектом зрения». Но, оказывается, боль в глазах — верный признак болезни мозга. Незадолго до смерти Ленин жалуется на боль в глазах. Из Москвы в Горки доставлен глазной специалист, профессор Авербах. Он обследовал больного и высказал заключение: «Никаких болезненных изменений в глазах нет». Этот отзыв

специалиста, сам по себе как будто благоприятный и обнадеживающий, прозвучал как приговор трибунала.

Ведь если дело не в глазах, значит — мозг. А глаза болят в особенности перед очередным, с каждым разом все более жестоким приступом болезни под названием «прогрессивный паралич», первый зафиксированный приступ которого произошел 25 мая 1922 года.

Ленин знал о своей болезни. Ему приходит мысль о самоубийстве при помощи яда. Его секретарь Фотиева записала в дневнике дежурных секретарей 22 декабря 1922 года:

«Владимир Ильич вызвал меня в 6 часов вечера и продиктовал следующее: “Не забыть принять все меры доставить... в случае, если паралич перейдет на речь, цианистый калий как меру гуманности и как подражание Лафаргам”¹⁸».

Значит, он знал не только о том, что болен, но точное название болезни. Он ищет встречи с профессором Авербахом наедине. «Схватив меня за руку, Владимир Ильич с большим волнением вдруг сказал:

“Говорят, вы хороший человек, скажите же правду — ведь это паралич и пойдет дальше?”» Открываем «Советский энциклопедический словарь» на букву «П», читаем: «Прогрессивный паралич, сифилитическое поражение головного мозга, возникающее через 5–15 лет после заболевания сифилисом: характеризуется прогрессирующим распадом психики вплоть до слабоумия, расстройством речи, движений и др. ...» Сталин докладывает Политбюро о том, что Ленин просит у него яд. Остается неясным — дали ему в конце концов яд или нет. Скорее всего, не дали, ибо речь шла все время о цианистом калии, смерть от которого мгновенна, но Ленин умер после очередного приступа.

За последние три часа жизни около постели больного проведено три консилиума, температура 42,3. «Ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места». Эта картина не накладывается на отравление цианистым калием.

«Наркомздрав Семашко обмолвится вскоре, что мозг Ленина к моменту смерти и вскрытия превратился в “зеленоватую жижу”. Патологоанатом расскажет о склерозированных сосудах мозга, ставших ломкими палочками почти без просветов для тока крови. Кто-то напишет о больном (левом. — В. С.) полушарии, сморщенном и иссохшем, размером с грецкий орех, висящем на ниточ-

ке, уходящей в здоровое полушарие мозга...» (Дора Штурман. «В. И. Ленин», стр. 5).

О болезни и смерти Ленина написано много. Тему сифилиса стараются обойти. Я бы тоже поставил ее на второе место. Определение прогрессивного паралича слишком категорично — «сифилитическое поражение мозга» — и никаких гвоздей. Тогда, может быть, сифилис не приобретенный, а полученный по наследству? Почему его дедушка Николай Васильевич, калмыцкий портной, не женился до шестидесяти лет? Мне рассказывали, что «красные следопыты», пионеры Астрахани, пошли по следам ленинских предков и обнаружили, что многие его предки по отцовско-дедовской линии кончали в сумасшедших домах.

Результаты «следопытов» были уничтожены, а сам поиск был прекращен.

<...>

Ни сифилис, ни склероз не могли поразить мозг Ульянова с молодости, если еще не с детства. Значит, наследственность? Скорее всего. Либо самый простой вариант: плохая наследственность, на которую наложилось дополнительно заболевание сифилисом и атеросклерозом. И в том и в другом случае приходится признать, что пролил море крови в нашей стране, требуя расстрелов и расстрелов, что принял решение убить и изрубить на куски царскую семью, все русские памятники заменить памятниками Марату, Робеспьеру¹⁹ и Парижской коммуне, провел в России чудовищный, целенаправленный геноцид человек с больным, пораженным мозгом, а значит (это вам скажет любой начинающий врач), и с больной психикой.

Свирепая, бешеная («Провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией») агрессивность выплескивалась сначала на «врагов революции», на крестьян, на интеллигенцию, на «буржуев». Эти ленинские указания: стрелять, беспощадно уничтожать, подавлять, массовые обыски, массовый вывоз, массовый террор, «чем больше расстреляем, тем лучше», сгноить в тюрьме, «расстреливайте на месте беспощадно», за сокрытие продовольственных припасов — расстрел, «расстреливать... никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты», «будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще», «с этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили», «нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей

этой околкадетской публики (подчеркнуто мной. — В. С.). Значит, арестовать не заговорщиков, а для предупреждения заговоров, и не кадетов, а околкадетской публики). Преступно не арестовывать ее».

Все эти указания сейчас широко цитируются, повторяются, кровожадность и бешеная злоба их автора не вызывают уже никаких сомнений. Недавно было объявлено, что готовятся к изданию 6–7 томов самых секретных, никогда не публиковавшихся документов: записок, писем, указаний, распоряжений Ленина. Это будет издано под общим названием «Неизвестный Ленин». И мир будто бы содрогнется, прочитав эти тома.

Но со временем ярость, раздраженность, нетерпимость и ненависть оборачиваются против своего уже стана. Дело в том, что становится ясной вся бессмысленность нечеловеческих усилий, небывалых кровопролитий, беспримерного насилия, а в конечном счете бессмысленность затеянного эксперимента. Все это он сваливает на тупость и неумелость своего аппарата, в то время как причины беспомощности лежали глубже. Ведь если взять только самые верхние критерии социализма, который Владимир Ильич взялся построить, а именно: контроль, учет и распределение (а для этого необходим еще сбор информации), а там еще необходимо планирование, и не в общих чертах, а скрупулезное, мелочное планирование, то понятно, что для всего этого нужны сотни тысяч людей, знающих свое дело. Управленческий аппарат в СССР достиг, как известно, двадцати миллионов человек, а его ядро (номенклатура) не менее трехсот тысяч. Недавно прозвучало по телевизору в чьем-то выступлении, что для того, чтобы правильно спланировать экономику на один только год в такой стране, как наша, на сбор и обработку информации нужно 60 лет! И это — сейчас! А что говорить про тогдашние времена. Кроме огромного количества людей для контроля, учета и распределения, нужно огромное количество бумаги, писанины, «входящих» и «исходящих», а кроме писанины нужно огромное количество заседаний, совещаний, согласований, увязываний, сводок и директив... Ленин не мог не видеть, что его «дело» погребается под ворохом бумаг и спасения от этого нет. Вообще спасения нет. Отсюда и его раздраженность своими тысячами исполнителей. Да плюс к этому больной мозг с агрессивными наклонностями. Выпишем образчики ленинского красноречия, собранные на одну

страницу из разных ленинских писем последних его лет Дорой Штурман:

«Наша проклятая бюрократическая машина», «наши гнусные нравы», «бюрократическое тупоумие», «чинодральская сволочь», «система коммунистических дурачков, имеющих власть и не умеющих ею пользоваться», «а у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не торговый, а говенно-бюрократический, как все остальное в РСФСР (подчеркнуто мной. — В. С.) (у нас такого г... как ведомства, много)...», «расстрелов... мало (я за расстрел по таким делам)...», «Впредь будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую (!) сволочь», «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Н. К. Юст (Наркомат юстиции. — В. С.) сугубо надо вешать на вонючих веревках...», «отвлекая внимание свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского... воздуха...» Кажется мне, — довольно. Нужно сделать только еще одну выписку, принципиально важную и многое объясняющую как в самом Ленине, в отношении его к России, к русскому народу, к русской культуре (все-таки великой культуре), так и к сущности того, что произошло в России под названием Великой Октябрьской революции. Вы, старухи с авоськами, пикетирующие возле Музея В. И. Ленина, равно как и возле Мавзолея, дабы защитить эти «святилища», вы, оболваненные коммунистической пропагандой «ветераны», выходящие на митинги в защиту Ленина с портретами этого «завоевателя», стоявшего посреди России по колена в крови, — вчитайтесь и вдумайтесь в нижеследующие слова:

«Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчиненными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура.

Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов...» (Т. 45. С. 95–96). По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян. Не только русских (хотя русских в первую

очередь). Много потеряла людей Украина, Туркестанскому краю (узбеки, таджики, казахи, киргизы, туркмены) установление советской власти, большевистское насилие стоило 38% населения. Десятки миллионов людей выморены искусственным голодом.

Понимал ли он своим гаснущим умом, что он наделал? Возникали ли в его размягченном, превратившемся в зеленую жижу мозгу видения и образы людоедства и детоедства? И все это ради блага народа? Ради светлого будущего? Чушь!

Кто-то хорошо сказал, что смерть одного человека — это смерть человека, а смерть миллионов — это просто статистика.

В его отношении к людям, к миллионам людей, обреченных на гибель, было что-то от, скажем, рыбаков, забрасывающих трал (или невод) и вычерпывающих рыбу десятками, сотнями, тысячами тонн. Не жалеют же рыбаки каждую отдельную рыбку, как живой организм, умерщвляемый ими. Но для того, чтобы равнодушно исчислять рыбу на тонны, надо быть как минимум не рыбой. Точно так же для того, чтобы оперировать миллионами умерщвляемых людей, надо быть как минимум не человеком.

Таким не человеком и был Ленин.

«...Наличный хлебный паек уменьшить для неработающих по транспорту... Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена».

«Страна» — это он и его власть. Страна до него существовала 1000 лет и не гибла.

В уничтожении миллионов людей проявилось его презрение к людям вообще и к человеку в частности. Люди для него — масса, сырье, ресурсы, глина, из которой он пробовал что-то слепить. Ему сказали, что если насилие над народом рассчитано надолго, то народ не выдержит.

«Ничего, — ответил мудрый Ильич. — Народ привыкнет».

Он был способен провоцировать, провозглашать лозунги без их осуществления, лгать, завоевывать, разрушать, возглавлять террор и дезинформацию, но когда дело доходило до того, чтобы созидать, улучшать, возрождать, решать сложные положительные задачи и проблемы, он оказывался бессильным банкротом. Он не знал никаких способов и методов управления, кроме насилия, принуждения, тюрьмы, лагерей и расстрелов.

Некоторые считают, что перед смертью Ленин одумался и унес с собой в могилу рецепты, которые могли бы спасти положение, страну.

Это глубокое заблуждение. Ссылаются на введенный Лениным НЭП. Но Боже мой! НЭП — это жалкая пародия на обыкновенную, нормальную российскую дореволюционную действительность с бурной торговлей, с изобилием товаров, с восемнадцатью тысячами ярмарок, с елисеевскими магазинами, филипповскими булочными, с чайными, трактирами, сенокосами, хороводами...

Ради чего же было пролито столько крови? Ради того, чтобы у власти стоял он, Ленин, со своими большевиками, захватившими эту власть.

Кроме того, в письме Л. Б. Каменеву в марте 1922 года он пишет: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положит конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому».

Бредовая, людоедская идея уничтожить в конечном счете 90 процентов внутренне непокорного российского населения, чтобы 10 процентов дожили до мировой революции, не оставляла Ленина до конца.

<...>

И вот, несмотря на такое всеобщее, массовое, тотальное изнасилование людского сознания, человеческой психики, — дрогнула глыба, пошла трещинами, посыпалась осколками, обломками. Кончатся наваждение и ослепление, и увидели при свете дня, что никакая это не бронза, никакое это не золото, а мираж, муляж, папье-маше, засушенная мумия.

Почему же он — гений? Что гениального он написал, что читали и перечитывали бы люди из поколения в поколение? Может быть, он открыл закон земного притяжения (как Ньютон), периодическую таблицу (как Менделеев), вращение Земли (как Галилей), подарил человечеству вакцину против бешенства и обеззараживания (как Пастор), изобрел телеграф, телефон, фонограф, электрическую лампочку (как Эдисон), открыл туберкулезную палочку (как Кох), написал «Фауста» (как Гете), «Божественную комедию» (как Данте), десятки трагедий (как Шекспир), изобрел радио (как Попов и Маркони), летательный аппарат (как братья Райт), открыл теорию относительности (как Эйнштейн)...

Ничуть не бывало. Он был марксистом. То есть воспринял учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса и попытался применить это учение на практике. Но тогда следует ряд вопросов.

Были ли гениями сами Карл Маркс и Фридрих Энгельс? Если Ленин был гением, то как же он не понял, что марксизм это во-

все не наука, а утопия? Что осуществить на практике эту утопию невозможно?

Иначе почему же вот уже полтора столетия (с опубликования Коммунистического манифеста) она нигде, ни в одной стране мира не находит осуществления?

Утопичность марксизма сейчас доказана и является такой же аксиомой, как дважды два. Все нормальные экономисты, политики, публицисты, все негении поняли несостоятельность этого учения, а гений Ленин не понял.

А я думаю вот что. Утопичность и несостоятельность марксизма он, думаю, понимал. Но эта утопическая «наука» нужна была ему как прикрытие, как теоретическое обоснование для захвата власти, сокрушения России и распространения своей власти на весь земной шар.

Для того, чтобы понять всю бессмысленность и бесплодность этой авантюры, вовсе не надо быть гением, а для того, чтобы не понять этого, нужно было быть ослепленным фанатиком. Захватив власть в России, ждать, что через 2–3 недели вспыхнет мировая революция, это вовсе не гениальность, а обыкновенная глупость, если, конечно, не сознательный обман.

Экстремистам-злоумышленникам, большевикам лгать пришлось с самого начала, чтобы хоть как-то оправдать свое пребывание у власти и все бесчинства, связанные с этим.

Им с самого начала пришлось лгать и лгать, так что в последующие десятилетия ложь стала в стране законом жизни и тем самым дополнительно сверх всяких мер развратила население нравственно и морально. Ложь была нужна большевикам и состояла в том, что диктатура группы революционеров-экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, в том, что группа экстремистов полуинтеллигентов провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства, в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение людей выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание...

На самом деле, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию, мировую коммунистическую систему, большевики использовали порабощенную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи. На протяжении

десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком во много слоев, шло хищническое опустошение недр, выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек благородных рыб, и все на продажу, все мимо коренного населения, шло маниакальное создание гигантских водохранилищ (водогноилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей, шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление уникального Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов гектаров травяносых пастбищных степей (целина).

Дело в том, что Россия, народы, населяющие Россию, вернее, благополучие и благосостояние этих народов или хотя бы спокойное существование их никогда не были целью большевиков. Они рассматривали Россию только как средство для удовлетворения своих политических (утопических) амбиций, только как плацдарм для совершения мировой революции и создания всемирной коммунистической системы.

В одной из своих ранних речей Лев Давыдович Троцкий произнес, что Россия как таковая их не интересует, что Россия для них — это только охапка дров (по другой редакции — охапка хвороста), которую они подбросят в костер мировой революции.

У них был очень точный рецепт власти, принуждения к труду и ограбления народа. Учет и распределение. Все, что есть в государстве, сосредоточить в своих руках, а потом распределять по своему усмотрению. Это и есть принуждение, это и есть власть.

Проводя в жизнь эту дьявольскую идею, большевики уже в 1919 году начали выкачивать весь хлеб из деревни, чем вызвали, с одной стороны, голод и людоедство, поголовную детскую смертность, а с другой стороны, множество крестьянских восстаний, которые топились в крови. Тем не менее Ленин оказался прав: благодаря хлебной монополии и распределению большевикам удалось удержаться у власти. Тогда Ленин и произнес эту в общем-то саморазоблачающую фразу: «Мы Россию завоевали, теперь нам надо научиться Россией управлять».

Мог бы возникнуть вопрос: «Но если вы не умеете управлять страной, зачем же вы ее захватили?» В 1921 году, на съезде РКП(б) в докладе по хозяйственным вопросам (доклад по политическим вопросам делал сам Ленин) Лев Давыдович Троцкий говорил приблизительно следующее (существует опубликованный в 30-е годы стенографический отчет об этом съезде):

«С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью. А чтобы принуждение было менее тягостным, мы должны быть четкими в обеспечении инструментом, инвентарем...» Эта идея о трудовых армиях приобрела в конце концов очертания и облик лагерей тридцатых-сороковых годов.

Нужно различать лагеря 1918, 1919–1921 годов, вплоть до 30-х и лагеря после тридцатых годов. Ранние (назовем их так) лагеря, начиная с «Соловков» (СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения), устраивались с узкой целью уничтожения людей. Они потому и назывались концентрационными. Концентрировалась в одном месте определенная часть населения: духовенство, земство, интеллигенция, офицерство, дворянство, купечество... В лагере эти люди непрерывно уничтожались, и непрерывно же везли все новых и новых людей.

Конечно, и в трудовых лагерях 30-х годов люди тоже мерли как мухи, но все же цель истребления людей была там на втором месте, на первом же месте была работа. Это они, заключенные, построили Беломорканал, канал Москва-Волга, канал Волгодон, город Ухту с ее нефтепромыслами, город Воркуту с ее угольными шахтами, город Норильск, с его металлургией. Город Новокузнецк, Турксиб и другие железные дороги. Это они работали на золотых приисках, на урановых и других рудниках и вообще на всех стройках Сибири и Заполярья. Это они круглогодично валили лес и сплавляли его по рекам...

Производительность труда у них была не столь высока, как если бы это был свободный труд, но ведь это был труд фактически бесплатный, за пайку хлеба и за блюдо лагерной жидкой похлебки.

Государство все равно не оставалось внакладе. Если не считать, конечно, людскую убыль. Но о количестве населения большевики, захватившие страну, не заботились. Они правильно считали, что

чего-чего, а людей в России на их век хватит. А может быть, даже была и такая задняя мысль: чем меньше будет населения, тем лучше. Ведь самих-то их было относительно мало.

В то время, когда арестовывали людей (не партийную элиту, которая арестовывалась из других соображений, да и сколько там было этой партийной элиты, она исчислялась тысячами, в то время как трудовые армии-лагеря исчислялись десятками миллионов заключенных), итак, когда в то время арестовывали людей, другие, еще не арестованные люди спрашивали сами себя: за что? Да ни за что. Просто там, в сибирских лагерях, нужны были рабочие руки.

<...>

Чтобы колхозники не разбегались от бесплатного, унижительного труда, не за совесть, а за страх, у них были отобраны паспорта (их вернули только в семидесятые годы).

Западному человеку может быть непонятна эта история с паспортами. В других странах паспорт вроде как бы и не нужен, разве что поехать в другую страну.

Революционеры-экстремисты в своей дореволюционной пропаганде тоже считали паспорт орудием насилия и порождением ненавистного царского режима. Однако, захватив власть, они первым делом ввели обязательные паспорта. А как же осуществлять учет и контроль? Более того, они ввели понятие, которого нет ни в одной стране мира, — прописка. Каждый человек обязан (это существует и до сих пор) жить только там, где он прописан, не имея права менять место жительства. Ну, вот. А у крестьян паспорта отобрали. Казалось бы, это — свобода. Но без паспорта в нашей стране нельзя ни устроиться в гостинице, ни — главное — устроиться на работу. Человек без паспорта — это человек без каких бы то ни было прав. Чтобы закончить с этой «паспортной» темой, напомним, что и в самые беспаспортные времена колхозники ухитрялись исчезать из деревни. Было два основных способа: подкупить председателя колхоза («за бутылку»), чтобы он выдал справку на получение паспорта, и, во-вторых, деревенские парни, отслужив в армии, получали паспорта и в колхоз уже не возвращались. В семидесятые годы паспорта были разрешены, но к этому времени деревня уже полуопустела.

Итак, мы видим, что трудовые армии приняли две формы: собственно трудовых лагерей и колхозов. И там и там господствовал принудительный и фактически бесплатный труд. Но не надо

думать, что принудительный и бесплатный (почти бесплатный) труд существовал только в колхозах и лагерях. Учет, контроль, принуждение в той или иной форме распространялись на всю страну, на все сферы труда.

<...>

Куда еще шли несметные деньги, отобранные у населения? На создание и развитие призрачной, утопической всемирной коммунистической системы. Содержание компартий в десятках стран, содержание коммунистических газет, всех этих «Юманите», «Унита», «Аванте», прямая поддержка тех стран, где в результате государственных переворотов пришли к власти «левые» силы. До последних дней (не знаю, как сейчас) в одну только Кубу СССР ежедневно вваливал 20 миллионов долларов. Ежедневно! А сколько было ввалено в свое время в Индонезию, в Египет, в Конго, в Анголу, в Никарагуа, в Эфиопию, во Вьетнам, в Китай, в Южный Йемен, не говоря уж о странах Восточной Европы. Ну ладно, если бы на этих советских «харчах» страны и народы добивались процветания. Напротив. Где бы ни насаждалась социалистическая система, сразу же резко падал уровень жизни, начиналось «преодоление трудностей», «пережитков». Так было в Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Польше... Особенно это заметно там, где одна страна оказывалась разделенной на две. Вспомним про «тайваньское чудо». В ФРГ жизненный уровень оказался в несколько раз выше, чем в ГДР, а в Южной Корее в одиннадцать раз выше, чем в Северной. Куба — единственная страна в регионе, живущая по карточкам. В Эфиопии — голод.

ГДР, кстати сказать, считалась самой развитой и передовой из «социалистических» стран. И вот она воссоединилась с основной Германией, и что же оказалось? Оборудование на заводах чуть ли не военного, а то и довоенного образца, все его нужно менять. Дороги изношены, технология устарела...

Все это в стократном размере приложимо и к СССР.

Совершителями «революции» и создателями государства, «великим» Лениным создавалась конструкция, система хозяйствования, не рассчитанная на длительный срок ее использования. Россия, как уже было сказано, была лишь трамплином к мировой революции, вроде ракеты-носителя в современных космических кораблях. Вывести на орбиту и отвалиться. Большевики собирались пройти по миру триумфальным шествием.

Триумфального шествия, как известно, не получилось. Народы Европы не захотели совершать революций, не захотели строить утопического социализма. Более того, социализма не получилось даже в тех странах, где он был навязан силой — в послевоенной Восточной Европе. Но Россия в целях мировой революции была захвачена, Россия была изнасилована, Россия была обескровлена, Россия была опустошена и разграблена. В России была создана система хозяйствования, рассчитанная на выкачивание ее богатств и ресурсов.

Когда на Беломорканал прибывала новая партия заключенных (на место polegших костями), считалось (об этом во всеуслышание сказал один крупнейший руководитель ОГПУ), что новые заключенные им нужны только на первые три недели, то есть пока у них есть еще силы работать. Через три недели рабочая сила превращалась в отбросы. Это касалось не только Беломорканала, но и лесоповальных работ и работ в рудниках и на строительстве железных дорог.

Что же, живых людей хватало на три недели? России в целом хватило на более долгий срок, на семьдесят лет, после которых она сама вся превратилась в отброс.

Земледелие и скотоводство, вообще все то, что называется сельским хозяйством, находится в самом плачевном состоянии. Не напрасно же государство ежегодно покупает на чистое золото хлеб в США, Канаде, Австралии, Аргентине. И с каждым годом все больше и больше. Когда-то казалась чудовищной цифра — 20000 000 тонн, теперь давно уж и далеко перешагнули за тридцать.

В одной только Российской Федерации (не считая просторов Белоруссии, Украины, Молдавии, Прибалтийских государств, казахско-узбекских высокогорий) около ста миллионов травяных лугов, на которых и шумели раньше яркие, веселые сенокосы. Сейчас все эти луга заросли кочками и мелким кустарником, фактически выпали из земледельческого обихода. Если в Голландии, скажем, один гектар луга дает около 20 000 условных кормовых единиц, то в РСФСР — 500–600 кормовых единиц, то есть, можно сказать, ничего. Да оно и понятно: современными российскими лугами просто невозможно пользоваться, да и некому их косить. Земля десятки лет не видела навоза. Она кое-как поддерживается допингом химических удобрений, что умерщвляет не только почву как биологический организм, но и малые реки (а через них

и большие), перелески, а затем и леса. Исчезли тысячи пасек, ушли с полей в большей или меньшей степени разнообразные ценные культуры: гречиха, лен, вика, клевера, горох, репа, бобы, конопля, горчица, хмель, фасоль, рожь, просо... Но и то, что земля родит, наполовину остается в земле. Урожай остается неубранным либо невывезенным и пропадает. Я сам видел несколько лет назад, как на Полтавщине запахивали тракторами огромные поля с прекрасными, зрелыми помидорами: некому было их собирать, не на чем было их вывозить и, главное, некуда было их вывозить — не нашлось заводов для переработки этих земных плодов. В Молдавии, в крупном совхозе, мы ходили по совхозному саду, земля в котором в четыре слоя была покрыта опавшими спелыми сливами: некому убирать, не на чем и некуда увозить...

Российская деревня обезлюдела. Колхозники разбежались в города. Исчезли с лица земли десятки тысяч деревень. Либо осталось по 2–3 дома, в которых доживают старушки. Не считая уже исчезнувших, в РСФСР сейчас около миллиона пустых деревенских домов. Земля вокруг них заросла крапивой и горькими лопухами. Произошло то, что современная публицистика называет «раскрестьяниванием» России.

Я знаю, что естественный процесс исчезновения маленьких хозяйств характерен и для других стран. Но там этот процесс порождает пусть более редкие, но зато более крупные, крепкие и богатые хозяйства.

У нас же он порождал только лопухи да крапиву. Да еще необходимость покупать хлеб за границей. Трактора, комбайны, автомобили, другая сельскохозяйственная техника простаивают из-за отсутствия запчастей, а то и горючего.

На грани катастрофы находится транспортное хозяйство страны.

Железнодорожные пути, протянутые еще до революции либо в тридцатые годы, изношены. По недавнему заявлению предсовмина, необходимо срочно заменить 25 миллионов износившихся шпал. Но ясно, что никто их в ближайшее время не заменит. Железные дороги и авиалинии не справляются с потоками пассажиров. Отсюда — очереди за билетами, грязь в вагонах, многочасовые опоздания поездов, многодневные сидения пассажиров на вокзалах и в аэропортах (нет горючего), проблема уехать или улететь в другой город. Участились железнодорожные аварии. И лучшего пока не предвидится. В городах не хватает гостиниц.

Получить место в гостинице невозможно. Получить жилье — люди стоят в очереди десятилетиями. Невозможно купить автомобиль, мотоцикл, велосипед, холодильник, пылесос, стиральную машину, мебель, электрическую лампочку, малярную кисть, белила, олифу, кровельное железо, кирпич, доски и бревна, стекло, ботинки, плащ, меховую шапку, бутылку пива, крупу, макароны, молоток, гвоздь, телевизор, костюм (либо шерсть на костюм), любое лекарство, начиная с аспирина, не говоря уж о прочих медикаментах. Больницы и родильные дома заражены стафилококком (отсюда чудовищная детская смертность), больные лежат в коридорах, питание на уровне Освенцима, в парикмахерских столицы запрещено клиентам бриться (боязнь заразы), прилавки магазинов удручающе пусты, нависает угроза голода, дефицита электроэнергии, обогрева жилищ...

Страна практически непригодна для жизни. Во всяком случае, для нормальной человеческой жизни.

Такова расплата за семидесятилетний, принудительный, почти что бесплатный труд. Они надеялись превратить все население в бессловесных послушных рабов, а превратили его в инертную массу, в государственных иждивенцев, бездельников и — как результат — в алкоголиков и в уголовных преступников. Я не хочу сказать, что все люди в нашей стране бездельники либо алкоголики. Но произошло самое страшное: отчуждение людей от земли, от результатов труда, от заинтересованности в результатах труда, произошло отчуждение их от государства. Люди утратили экономическую память.

Теперь еще одна грань нашей действительности, грань кровавая и непредсказуемая по своим последствиям.

Дело в том, что советское правительство насильствовало и эксплуатировало не только коренное русское население, но и все народы, населяющие огромную и некогда богатую страну. <...> грабились охотничьи народы Севера (и их среда обитания) <...>. В годы установления советской власти народы Средней Азии (Туркестанский край, а теперь: Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Туркмения) потеряли около 40 процентов населения. В Казахстане в годы коллективизации были истреблены миллионные табуны лошадей, многомиллионные отары овец. Таджикикам и узбекам была навязана вместо их садов, бахчей, виноградников монокультура — хлопок. Культура трудоемкая,

связанная с применением химии, с орошением, а платило государство за хлопок в десятки раз меньше его нормальной цены на мировом рынке. Монокультура изменила не только экономику, но и экологию этих республик. Исчезли полноводные реки Сырдарья и Амударья, умерло Аральское море.

Монокультура изменила уклад жизни, быт народов. Женщины, ранее занимавшиеся только семьей и домом, все вышли на поля. Надышавшись химией, угнетенные непосильным, однообразным, подневольным трудом, узбекские и таджикские женщины стали рожать неполноценных детей, и отмечается в этих местах ежегодно по 200–300 случаев самосожжения женщин. То ли в виде протеста, то ли в результате изменения психики под воздействием химии и плантаторского труда.

Какой бы народ ни взять из многочисленных больших и малых народов, каждому из них советская власть что-нибудь навязала.

Среднеазиатским республикам — хлопок, грузинам — чайные плантации, армянам — электростанцию на озере Севан, в результате чего уровень озера упал на 14 метров, Азербайджану — нефтепромыслы, молдаванам картошку на месте виноградников, казахам и хакасам — распаханые земли (целина) вместо степных привольных пастбищ, киргизам — зимнее содержание в горах вместо откочевки в долины... Кроме того, всем народам была навязана письменность на основе русского алфавита (вместо, скажем, арабской вязи, как это было у мусульманских народов, или вместо латинского алфавита, как это было у молдаван).

В результате всего этого в сознании народов, в их психологии произошел сдвиг: все, что несла им советская власть (так называемая советская власть), они стали валить на русских. Хлопок им навязали — русские, чайные плантации навязали — русские (а, между прочим, еще Николай II запретил разводить в Грузии чай из соображений, что чай чрезвычайно трудоемкая «плантаторская» культура и что он не хочет, чтобы грузины изнуряли себя на чайных плантациях. Он предпочитал покупать чай в Китае). Севан испортили — русские, Арал погубили — русские... И в самом деле: правительство находится ведь в Москве, а Москва — город русский.

Но разве и западные деятели, западная пресса не путали эти два понятия: советские и русские. Только и слышишь: русские танки в Афганистане, русские подавили венгерскую революцию, — вместо: большевики в Афганистане, большевики подави-

ли... А между тем собственно русские страдали от большевиков в первую очередь и в гораздо большей степени, нежели остальные народы. Достаточно взглянуть со всех точек зрения (жизненный уровень, экономика, даже внешний вид земли) на РСФСР, чтобы убедиться в этом.

У «льдины» начали во всех отношениях, включая прирост населения, тяжелеть края и начала истончаться середина. Естественно, что отяжелевшие края начали отламываться. Процесс кровавый, и результаты его непредсказуемы. Сейчас все сходятся на том, что страна в тупике. Из тупика, по самому определению этого слова, нельзя выехать движением вперед, на то он и тупик. Надо дать задний ход, а потом подумать, в каком направлении двигаться. У американцев есть поговорка: чтобы дать машине задний ход, ее надо хотя бы на секунду остановить.

Вот мы остановились, оглядываемся, до какой жизни мы дошли. Но остановка катастрофически затянулась. И никто (я имею в виду правительство) не хочет давать задний ход. Хотят ломиться вперед, а из этого ничего не выходит. Колеса крутятся, а машина стоит на месте и даже сползает в пропасть.

Сейчас положение нашей страны и ее населения я сравнил бы с человеком, который находился долгое время под наркозом и вот наконец освобождается от наркоза, приходит в себя. В себя-то он приходит, оживает, но дело в том, что, пока он находился под наркозом, хирурги-экспериментаторы, а проще сказать, хирурги-злодеи и преступники перепутали внутри все органы. Поменяли их местами, многие и вовсе удалили, либо пересадили лишние и ненужные организму органы.

Картина жуткая, но, думается, я несколько не преувеличиваю и не сгущаю краски, уподобляя сегодняшнее наше состояние состоянию этого посленаркозного больного. Насколько будет жизнеспособным пробудившийся к жизни организм? И будет ли он жизнеспособным? И восстановимы ли те внутренние связи в организме, которые были нарушены и перепутаны хирургами-экспериментаторами?

В жизни государства, общества, точно так же, как и в природе или, вот именно, в живом организме, многое восстанавливается быстро, а многое — веками.

Скажем, «целину», то есть травостойные степи Казахстана в количестве 20000000 гектаров распахали (испортили) за одну

весну, а залечивать эту рану природе (если бы ей дали такую возможность) пришлось бы 3000 лет. Вот испортим, отравим уникальный Байкал, а сколько тысячелетий потребуется земле воссоздать его в первоизданном виде. Воронежские черноземы накапливались по миллиметру, по крупице десятками тысячелетий, а развеяли их по ветру очень быстро.

Жир или соединительные ткани накапливаются в организме быстро, а нервные клетки очень медленно, а некоторые не восстанавливаются совсем.

Русская интеллигенция, подарившая миру десятки замечательных имен во многих областях искусства и науки, складывалась веками, психология русского человека — тоже, его характер — тоже.

Восстановимо ли это все, а если восстановимо, то сколько времени потребуется на это?

Наконец, я должен коснуться еще одной проблемы, оставшейся в наследство от Ленина и существующей в стране. Эта проблема как бы скрыта от глаз людей, она как бы «подводна», но она существует и — что еще более печально — будет существовать неопределенно долгое время, и нет очевидного способа ее разрешить.

В отличие от многих я утверждаю, что в СССР государственного антисемитизма нет. Покажите мне еврейских детей, которых не взяли в школу, потому что они еврейские дети. Либо юношей-евреев, которых не приняли бы в институт по той же причине. О каком государственном антисемитизме может идти речь, если в столице государства четверть населения — евреи. Если в Московской писательской организации евреев около 80 процентов, а в других творческих союзах, как-то: в Союзе композиторов, Союзе художников, Союзе кинематографистов, Союзе журналистов, а также в Московской филармонии, в Москонцерте, на Мосфильме, на телевидении — этот процент не ниже, а быть может, и выше. Десятки, сотни тысяч учителей, врачей, кандидатов и докторов наук — евреи. Недавно были опубликованы данные, будто евреев в СССР 0,69 процента. Но это не так. Израильский закон говорит, что евреем считается каждый, кого родила еврейская мать. Если же еврей отец, то сын его тоже должен считаться евреем, но после уточнения факта отцовства. Если исходить из этого положения, то евреев в СССР не 0,69 процента, а между десятью и пятнадцатью миллионами человек. Дело в том, что большинство евреев по паспорту значатся русскими,

украинцами, узбеками, грузинами и т. д. Скажем, известный писатель Ю. Трифонов по советскому паспорту значился русским, но по израильскому правилу был евреем, потому что его родила еврейская мать.

Я ограничусь этим примером, хотя мог бы перечислить десятки своих коллег, которые, подобно Трифонову, статистически не входят в 0,69 процента, на самом же деле принадлежат к еврейской нации.

Григорий Свирский, вероятно, и по паспорту значился евреем (то есть входил в 0,69%), ибо он больше и громче других обличал антисемитизм в СССР. Мой однокурсник Наум Мандель (Коржавин)²⁰, уже будучи в эмиграции, написал даже о Свирском шутливое стихотворение, как Свирский переехал в Израиль и как ему сразу стало нечего делать: нет антисемитов и не с кем бороться. Но даже ведь и Григорий Свирский спокойно окончил Московский университет, издавал романы (например, «Ленинский проспект»), стал членом СП СССР и был в Московской писательской организации видным партийным деятелем (членом парткома). Его жена тоже окончила университет и стала кандидатом наук.

О каком же антисемитизме может идти речь?

И все же в декларациях Свирского против антисемитизма, как и в постоянно возбуждаемом вопросе об антисемитизме, есть свой резон.

Сведения о роли, которую (вольно или невольно) сыграли евреи в осуществлении Октябрьской революции, а главное того, в первые годы утверждения и господства большевизма в России, в годы «красного террора», вообще руководства страной по крайней мере до середины 30-х годов, сведения об этой роли просачивались в сознание коренного населения и раньше. Теперь же, с наступлением гласности и (относительной) свободы печати эти смутные сведения превращаются в знания. Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Урицкий, Каменев, Володарский, Войков, Литвинов, Менжинский, Ягода... Сотни имен, которые бессмысленно перечислять. Скажем, в первом составе Совета Народных Комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2, в Военном Комиссариате 34:9. Да из этих девяти еще 8 латышей. В составе ЧК русских двое, а евреев 43, комиссаров в губерниях русских 1, а евреев 21.

И так далее, и так далее во всех сферах управления и руководства страной. Конечно, вся эта правда об истории Октябрьской революции и советской власти, становясь достоянием широких

масс коренного населения, не может улучшать отношения его (коренного населения) к совершителям и сотворителям всех по существу своему антинародных акций, начиная с убийства царской семьи, кончая семьюдесятью миллионами расстрелянных без суда и следствия, уморенных голодом или непосильным лагерным трудом. Закрывание и разорение 92 процентов церквей и монастырей, уничтожение в одной только Москве 450 старинных (и прекрасных) храмов, обесцерковление всех городов России (где было 30–40 храмов, осталось по 3–4), все это в народном сознании также связывается, увы, с евреями, с их властью в стране.

При всем этом можно категорически, не греша против истины, утверждать, что прямого, открытого проявления антисемитизма в стране все же нет, если иметь в виду именно население, а не отдельные случаи.

Ни в метро, ни в магазинах (кинотеатрах, театрах, учреждениях), ни на собраниях, ни в быту, ни на рынках, ни в ресторанах (где люди разогреты парами алкоголя) открытого, прямого проявления антиеврейства нет.

Тогда что же есть? О чем же вести разговор? А есть — отношение. Есть обоюдный ледяной холодок, который ощущается сам по себе, на расстоянии, подобно холодку, которым тянет от айсберга, от большой ледяной глыбы. Его-то, этот холодок, и ощущал, очевидно, Григорий Свирский, борясь с антисемитизмом. Я думаю, что, положив руку на сердце, Свирский не мог бы назвать случая, чтобы его кто-нибудь когда-нибудь обозвал, толкнул, ругнул, а тем более — ударил. Ничего этого не было, но было лишь подспудно ощущаемое отношение или, даже вернее, сознание этого отношения. И жить, конечно, становится менее уютно.

Государство может своими способами и средствами (закон, милиция, армия, наконец) защитить ту или иную социальную либо национальную прослойку населения, будь то бюрократический аппарат, номенклатура или евреи, но государство не может заставить сто миллионов, двести миллионов коренного населения полюбить номенклатуру либо евреев, равно как нельзя заставить евреев полюбить коренное население.

Эта проблема существенно важнее продовольственной проблемы (продовольствие на прилавках магазинов может в конце концов появиться), существенно важнее экономических, земледельческих проблем (они тоже могут в конце концов нормализоваться). Эта

проблема существеннее даже кровавых межнациональных проблем. В конце концов (хотя бы гипотетически и теоретически) за столом переговоров можно уточнить и закрепить границы между Азербайджаном и Арменией, Грузией и Осетией, можно стабилизировать обстановку в этих регионах на десятилетия или больше, но то, о чем заговорил я, невозможно решить никакими переговорами (кого с кем?). Никакими уточнениями границ (где эти границы?). Тут не властен и временной фактор. Эта проблема будет существовать всегда, вечно, пока существует коренное население и пока существует самоизолирующаяся от него составная современного общества.

В первые послереволюционные годы эту проблему решали жесточайшим подавлением и физическим уничтожением коренного населения, смертельным страхом, превращением народа в безликое, послушное население, в бессловесных, неосведомленных, недумаящих рабов. Некоторых экстремистов и сегодня соблазняет этот путь, они не видят никакого другого способа решения проблемы. Впрочем, пассивное и подспудное отрицательное отношение, нелюбовь, неприязнь они квалифицируют как активное и воинствующее начало, называя его шовинизмом и черносотенством.

В журнале «Бюллетень Спартаковцев» осенью 1990 года читаем: «Перекованная интернационалистическая Коммунистическая партия может быть создана в СССР только в ходе безжалостной борьбы против великорусского шовинизма (не правда ли, сразу слышится ленинская интонация? — В. С.). В первую очередь это означает защиту евреев от поднимающегося потока антисемитского террора, очистку улиц от новых черносотенцев прямыми действиями пролетариата». (Где террор? — спросим мы. — Кого-нибудь ударили, обругали, уволили с работы, исключили из школы, подожгли дачу? И причем тут действия пролетариата? Какого пролетариата? Уж не считают ли себя пролетариатом педагоги и медики, киношники и литераторы, эстрадники и художники, технари-кандидаты и доктора наук, сотрудники бесчисленных НИИ (научно-исследовательских институтов и т. д. и т. п.)?)

Однако продолжим цитату: «Даже те, кто прячется за самым “утонченным” русским национализмом (то есть, уточним от себя, те, кто не скрывает, что он русский, кто открыто говорит, что он любит свой народ, свою русскую культуру, историю, причем любит ее не в ущерб уважению к другим народам и культурам),

представляют собой смертельно опасную засаду на пути к решению национальных антагонизмов...» Как поступают со смертельно опасными засадами, известно каждому.

Таким образом, мы видим, что проблема «национальных антагонизмов» уходит в перспективу, необозримое будущее, и ее никак нельзя сбрасывать со счетов, думая и говоря о будущем государства, точнее сказать, о будущем государстве. Каким оно будет? Это пока область фантазирования и гадания.

Вывод можно сделать только один: большевики, возглавляемые «вождем и учителем трудящихся всех стран», своего добились. С Россией как могучим, богатейшим, просвещенным государством покончено, если не навсегда, то очень и очень надолго.

Что касается конкретно персонажа нашего очерка, то не могу во второй раз в своей литературской жизни не обратиться к заключительным абзацам книги «В. И. Ленин», написанной публицисткой Дорой Штурман, родившейся в Харькове, а теперь живущей в Иерусалиме, потому что лучше не скажешь:

«Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение? Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит здесь от того, каков был истинный, глубокий, интимный стимул его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью, — что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из грандиознейших политических побед в истории. Но если для него в самом последнем и личном счете не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то, в расплывчатом и неопределенном “далеко” осчастливить человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение».

С горечью приходится признать, что все же он одержал «одну из грандиознейших политических побед», ибо никогда, даже и в ранней молодости, он не собирался осчастливливать человечество. Таких исходных побуждений у него не было. Как можно мечтать о счастье людей, не только не любя их, или хотя бы как-то к ним относясь, но просто-напросто за людей их не считая. Масса, объект и поле деятельности для эксперимента, для удовлетворения

собственных целей, амбиций. Как может психически и нравственно нормальный человек устраивать людям счастливую жизнь, уничтожая их десятками миллионов?

В марте 1992 года в одной московской газете было опубликовано интервью с человеком, получившим доступ к архивам, а именно с Б. М. Пугачевым. Он в этом интервью произнес о Ленине определяющее слово, которого я почему-то не употребил в этой книге. Он говорит: «Письма Ильича характеризуют его как человека крайне жестокого, более того, как человеконенавистника. Примеры? Пожалуйста. Вот, скажем, письмо с указаниями Ленина: в случае отступления красных из Баку он требует сжечь город со всем населением».

Да, он добился, чего хотел: власти, сокрушения ненавистной ему России, мести царскому дому. Он (хотя и с нарушением всех правил игры, с презрительным смехом над этими правилами) все-таки выиграл свою игру, свою партию.

Следовательно, он чувствовал себя счастливейшим человеком?

Если может чувствовать себя счастливым человек в расцвете лет (54 года), умирающий от прогрессивного паралича. Припартийный деятель Е. Драбкина свидетельствует, что в последний год своей жизни «Ленин часами сидел в одиночестве и часто плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды».

А между тем в его сейфе, как пишет журналист В. Родиков, хранилась чудовищная реликвия: заспиртованная голова Николая II:

«После смерти Ленина была создана комиссия, чтобы описать документы и бумаги, находившиеся в его сейфе. В комиссию входил узкий круг лиц:

Дзержинский, Куйбышев, Сталин... Вскрыли сейф, а там... сосуд с заспиртованной головой Николая II» (Журнал «Чудеса и приключения». 1992. № 4–5, стр. 68).

Как в Древнем Египте, каждый новый фараон не считался наследником предыдущего, а считался сыном и наследником непосредственно бога Ра, так у нас каждый глава государства, генсек, считался наследником и продолжателем великого Ленина, верным ленинцем. Про Сталина мы просто говорили, что это — Ленин сегодня.

Ни Маленков, ни Хрущев не были наследниками Сталина, они были — верные ленинцы. Брежнев не мог быть продолжателем дела Хрущева, хотя бы потому, что он разоблачил Хрущева как

волютариста. Брежнев был верным ленинцем. Стоит ли говорить, что верными ленинцами были Андропов и Черненко. Горбачев много раз заявлял, что он сделал свой выбор еще в молодости, чуть ли не в детстве, и что он всегда будет верен марксизму, ленинизму, социализму.

Таким образом, на Владимира Ильича Ленина ложится вина не только за все, что он натворил лично с 1917 по 1924 год, но за все, что, идя по его пути, исполняя его заветы, натворила созданная им партия.

Если бы судить лично Ленина, то хватило бы для смертного приговора убийства, например, безвинной царской семьи или одного безвинного Гумилева, но мы должны сформулировать обвинение по пунктам.

Невольно придется кое в чем повторить самого себя же, но ради четкости и полноты формулировок с этим надо смириться. Итак, партия большевиков РКП(б), ВКП(б), КПСС, созданная Лениным как инструмент власти и насилия, виновата:

1. ...в том, что ее именем группа революционеров-экстремистов 25 октября 1917 года арестовала Временное правительство, а позднее разогнала Учредительное собрание, то есть незаконным насильственным путем захватила власть в Российской к тому времени уже республике.

2. ...в том, что власть этой группой была захвачена не только насильственным, но и обманным путем, не ради благополучия и процветания многочисленных народов, населяющих страну, но ради проведения в стране социально-политического эксперимента, ради использования населения и всех богатств страны как ресурсов, материала, сырья, массы для этого эксперимента...

3. ...в том, что, увидев, что 90 процентов населения участвовать в этом утопическом эксперименте не хотят, захватившие власть вместо того, чтобы отказаться от эксперимента и самоустраниться, развязали в стране чудовищный, невиданный террор, в результате которого была уничтожена более чем третья часть населения...

4. ...в том, что именем партии была развязана кровопролитная братоубийственная война, а цвет нации, если и уцелел частично в этой войне, был выброшен за пределы страны...

5. ...в том, что, ради удовлетворения своих политических амбиций, именем партии была осуществлена вандалистская акция убийства царской семьи, невинных детей и женщин...

6. ...в том, что на протяжении своего властвования власти, отнимая у крестьян весь хлеб, многократно инспирировали голод, уносивший миллионы жизней, доводивший до людоедства и детоедства...

7. ...в том, что многочисленные восстания, естественно вспыхивавшие против жестокого насилия, подавлялись с еще большей жестокостью, буквально топились в крови: восстания Путиловское, Колпинское, Ижорское, Кронштадтское, Ярославское, Рогачевское, Астраханское, Ижевское, Пермское, Пензенское, Тамбовское, восстания по всей Сибири и по всей Средней Азии...

8. ...в том, что именем партии было произведено массовое истребление донских и кубанских казаков (расказачивание России), когда войсками ЧОНа уничтожались целые станицы с женщинами и детьми...

9. ...в том, что под предлогом борьбы с голодом (вызванным самими же захватчиками власти и страны) были ограблены и вывезены несметные богатства, накопленные веками в церквях и монастырях...

10. ...в том, что в местах, где живут мусульмане, были уничтожены сотни мечетей и медресе, а также муллы и учителя...

11. ...в том, что в одной только Бурятии в 1936 году было сожжено 36 буддийских монастырей (дацанов) вместе со старинными (тибетскими) библиотеками, историческими, художественными и материальными ценностями ...

12. ...в том, что по всей стране было разрушено более 90 процентов монастырей и храмов, а в одной только Москве 450 храмов, включая великую святыню России — Храм Христа Спасителя...

13. ...в том, что в 1929–1930 годах была проведена насильственная коллективизация крестьян с уничтожением 6 миллионов наиболее крепких хозяйств (около 15 миллионов человек), с уничтожением, например, в Казахстане, многомиллионных табунов, отар и стад...

14. ...в том, что коллективизация привела к отчуждению крестьянина от земли, от заинтересованного труда, к тому, что мы теперь называем раскрестьяниванием России, к полному захирению земледелия, к полному запустению деревни, зарастанию земли сорняками, а плодородных лугов — кочками и кустарником...

15. ...в том, что, имея целью не процветание своего государства и народа, а призрачную и утопическую мировую революцию,

мировую коммунистическую систему и для того используя поработанную, изнасилованную страну лишь как источник средств и ресурсов к осуществлению утопической идеи, именем партии на протяжении десятилетий шло разграбление богатейшей страны, шло поспешное варварское сведение лесов, происходил поспешный варварский сплав древесины по всем рекам, текущим на север, что приводило как к гибели древесины (топляк), так и к гибели рек, дно которых выстлано топляком в тридцать слоев, шло опустошение недр, хищническое выкачивание из них нефти, газа, золота, якутских алмазов, уральских самоцветов, редких руд, серебра, и все — на продажу, и все — сырьем; шло выкачивание из наших лесов пушнины, а из рек — благородных рыб, и все — на продажу, все — мимо коренного населения; шло маниакальное строительство гигантских плотин, маниакальное создание гигантских водохранилищ (водохранилищ), что вело к затоплению миллионов гектаров плодородных лугов и полей; шло погубление уникальных на земном шаре воронежских черноземов, отравление Байкала, полное погубление Аральского моря, погубление в Казахстане, на Алтае, в Хакасии до 30 миллионов гектаров травянистых пастбищных степей (целина)...

16. ...в том, что страна в течение десятилетий была покрыта сетью лагерей, которые перемололи десятки миллионов человеческих жизней...

17. ...в том, что система насилия, угнетения, бесправия разрушила общество как таковое, привела его к дефициту нравственности, человечности, духовности, что, в свою очередь, привело к тотальному алкоголизму и к тотальному расцвету преступности...

18. ...в том, что, поразив людей параличом страха, каждого пятого человека завербовывали в тайные доносители (сексоты, стукачи), и таким образом не менее чем пятая часть населения была дополнительно изнасилована и нравственно развращена, ибо нельзя же считать нравственно полноценной личностью тайного доносителя, стукача... (Насчет каждого пятого обнаружил Хрущев, разоблачая деятельность Берии...)

19. ...в том, что, начав лгать с первого дня господствования в стране, партия лгала на протяжении семидесяти с лишним лет и, продолжая во многом лгать и сегодня, приучила население ко лжи, сделав ложь законом жизни в стране и тем самым допол-

нительно, сверх всяких мер развратив население нравственно и морально. Ложь была нужна партии и состояла в том, что диктатура группы революционеров экстремистов выдавалась за диктатуру пролетариата, что эта группа интеллигентов (полуинтеллигентов) — экстремистов сама провозгласила себя авангардом рабочего класса и крестьянства.

Ложь состояла в том, что ограбление страны выдавалось за заботу о благе народа, что невиданное порабощение человека (людей) выдавалось за невиданную свободу, что обнищание населения выдавалось за процветание, что, короче говоря, все черное выдавалось за белое...

20. ...в том, что правящая группа людей именем партии и от имени партии на протяжении десятилетий навязывала населению страны свою волю, не терпя никакого непослушания и даже инакомыслия, тем самым извратив психологию людей, превратив их в покорных и безмолвных рабов (непокорные и небезмолвные изымались и уничтожались)...

21. ...в том, что именем партии целые народы были выброшены из своих исторических мест обитания в казахстанские степи, в пустыни и в тайгу, где эти народы на 3/4 погибли: немцы Поволжья, чечены, ингуши, карачаевцы, крымские татары, балкарцы, грузинские турки...

22. ...в том, что, имея целью утопическую (то есть неосуществимую) идею мировой революции и мировой коммунистической системы, партия содержала десятки «дочерних» партий и режимов с их партийными газетами, тоталитарными структурами в различных странах мира, пытаясь разложить народы, натравить одну часть народа на другую, что приводило к братоубийственным кровопролитиям, террору, дестабилизации, а там, где удавалось добиться хоть частичного успеха, — к развалу экономики, голоду, обнищанию...

23. ...в том, что в результате всех своих действий партия (а она всегда ведь была у нас правящей и ведущей народы вперед) довела страну до последней черты, ввергнув ее в такую пучину экономических, демографических, социальных, межнациональных, экологических бедствий, что теперь неизвестно, как из этой пучины выкарабкаться.

Итак, двадцать три пункта обвинения.

Встать, суд идет!..

Если бы было так. Но никогда никакого суда не будет. Некого судить, да и что толку судить. Миллионы погубленных не вернешь.

Разграбленные и разбазаренные богатства не вернешь. Высочайшую духовность российского общества, культуру, красоту земли, доброту, величие России, нераспятую, неистерзанную Россию не вернешь. Не потому ли все чаще всплывают в памяти и про себя твердятся слова русского поэта, изгнанника, тоже жертвы все тех же черных, дьявольских сил:

Поздно, поздно, никто не ответит,
И душа никому не простит²¹.

